

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Мех
Вставай!!! Страна огромная!
Вот это я попал!

Сергей Мех

Вставай!!! Страна огромная!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63747047

SelfPub; 2021

Аннотация

Никита Седых после точечного сброса стратегической информации решает лично принять участие в боевых действиях. Чтобы самому влиять на события. Бой на границе, уничтожение вражеской батареи, срыв переправы 3-й танковой группы, захват важного пленного. Это его личный вклад в победу советского народа. И помогают ему в этом верные друзья. Бывший одноклассник и друг детства Вася. А также лохматый помощник и просто хороший товарищ верный пес Туман. Ну держись фашистская нечисть! Русские идут! Вставай!!! Страна огромная! Вставай!!!! На смертный бой! Содержит нецензурную брань.

Сергей Мех

Вставай!!! Страна огромная!

– Здорово, славяне! – ничтожно сумняшеся, выдал я универсальную формулу фронтового приветствия, столь хорошо мне известную по множеству книг и кинофильмов. Но, видимо, немало должно было пройти времени, донельзя насыщенного, совместными испытаниями, горечью поражений и радостью побед, для того чтобы из простого пожелания здоровья, выкристаллизовалось это незабываемое и, вместе с тем, легко узнаваемое, приветствие. По которому, в дальнейшем, бывалые фронтовики определяли принадлежность друг друга к сонмищу воинского братства.

– Как говорится, не один пуд соли, надо было, совместно кушать!

Потому-то, вероятно, я и не дождался никакого ответа от своих собеседников. Которых, собственно и собеседниками-то, можно было именовать чисто условно, поскольку все трое, не то что к беседе, но и к простому, адекватному, восприятию реальности, в данный конкретный момент времени, были мало пригодны.

Вся троица, сидевших напротив меня бойцов Красной Армии, а если говорить точнее, то яркие представители луч-

шей ее части, пограничных войск, представляла собой извращение, переквалифицировавшегося в скульпторы, известного художника, автора картины: "Не ждали!" За это говорили и их застывшие фигуры, и выпученные от удивления глаза, а также открытые, в беззвучном крике, рты.

Ну еще бы! Стоило бы было только описать то, что они в данный момент времени лицезрели, то и сомнение в их адекватности, отпало бы само собой. И представив картину, открывшуюся перед их глазами, я невольно, про себя, ухмыльнулся.

С точки зрения человека XXI века, привыкшего к различным спецэффектам современного кинематографа, а также возможностям компьютерной графики, с помощью разнообразных редакторов, увиденное можно было бы охарактеризовать одной, емкой фразой – "Чучело гороховое!"

Но, для человека, родившегося в начале прошлого века, как правило малограмотного, да еще и, несмотря на антирелигиозную пропаганду, жутко суеверного, все это выглядело гораздо серьезнее. Даже боюсь представить, с какой конкретно нечистью, они ассоциировали мою личность, но боюсь что эта аналогия, будь она озвучена, мне бы очень сильно не понравилась.

Впрочем, слабо ориентируясь в особенностях национального фольклора, гадать затруднительно, но наверняка, что-то среднее, между Лихом одноглазым и Кикиморой болотной, но при этом, непременно, находящимся в близком род-

стве с, негласным, хозяином леса – Лешим. Хотя, последнее сравнение, было бы, как нельзя более уместным. Поскольку маскировочный костюм, дополнительно украшенный свежей растительностью, носил, согласно артикула, именно такое наименование. "Леший".

И, даже, если принимать во внимание, что накидка, прикрывающая лицо, в данный момент, была откинута, на создание положительного образа это нисколько не влияло. Потому как тактическая краска, густо нанесенная на кожу, в лунном свете, придавала лицу, воистину демоническое выражение. Да еще и задранные вверх, ввиду временной ненадобности, окуляры ночного прибора, образующие, на фоне светлеющего неба, конфигурацию на подобие рогов.

Не удивительно, что мои визави впали в ступор. Эту то проблему, возникшую, на мой взгляд, практически на пустом месте, необходимо было решать, и решать как можно скорее. Поскольку времени, с того момента, когда я, подкравшись незаметно, почти как тот, приснопамятный полярный зверек, с неудобопроизносимой фамилией, уселся на заднюю стенку стрелковой ячейки, свесив ножки и, выдав, заранее заготовленное приветствие, прошло уже довольно таки много времени. А его и так осталось немного. Поэтому пришлось поторопить события.

– Чему молчим, кому ждем? – задал я конкретный вопрос. На который, наконец-то получил вразумительный ответ.

– А-а...! Гхм! Ой! Тфу ты! – к сожалению ответ состоял

из одних междометий и ясности в отношении не вносил.

– Чего замерли говорю, с таким видом, как будто черта увидали? – поторопил я собеседника, который, судя по знакам различия, являлся сержантом пограничных войск Красной Армии. О чем явственно говорило наличие в его петлицах двух треугольников зеленого цвета.

– Почему интересно, многие попаданцы, терялись при определении воинских званий предков?

Ведь для человека, служившего в Советской Армии, хотя бы срочную, большой проблемой вопрос выяснения ху есть ху, составлять не должен. Для этого достаточно только помнить, что воинские звания в Красной Армии установлены с 1 января 1941 года, а до этого именовались по должностям: комбриг, комдив. Младший командирский состав – комвзвода (вспомните фильм "Офицеры" – комвзвода Варшава), комроты и т. д.

– Правда, именно они, первыми, в 1935 году, перешли на звания. Остальные – сержанты и генералы – только в 41-м.

Для сержантского состава – командир отделения, помощник командира взвода, старшина.

– Так, кстати и называлось. Не воинское звание, а должностное положение.

Сейчас-то, любой служивший знает, что старшина, как звание, и старшина роты, как должность – это, как говорят в Одессе, две большие разницы.

В остальном же, все по аналогии: красноармеец (боец) –

рядовой, чистые погоны – чистая совесть. Ефрейтор (старший солдат) – он и в Африке ефрейтор, одна "сопля" (читай лычка), что там, что здесь. Правда далее идут различия: у младшего сержанта сейчас две лычки, а тогда были треугольники, которые вешались на ефрейторскую "соплю". Соответственно: младший сержант – один, сержант – два, старший сержант – три, и наконец старшина – целых четыре. Которые, практически соприкасаясь в основании, своим видом напоминали ножовочное полотно. Отсюда и название – "пила". Подразумеваемая предназначение старшины: отчитывать (читай воспитывать) нерадивых подчиненных, то есть "пилить". Примерно как жена мужа пилит. Но так как, в доблестные вооруженные силы со своей женой, как в Тулу с самоваром, нельзя, то ее функции, с успехом, заменяет старшина.

Вот такой-то, бравый, пограничных войск сержант и сидел напротив меня, на дне стрелковой ячейки.

Кстати, если мне не изменяет память, на данный момент времени, пограничные войска относятся к ведомству НКВД. Правда, с небольшим отличием. В НКВД, как известно, по сравнению с армейскими, звания считались на две ступени выше. Соответственно: лейтенант ГБ – был равен капитану, а капитан – подполковнику. У пограничников же, звание за звание.

– А-а.. вы кто? – наконец-то разродился сержант вопросом, явно показывавшим, что первоначальный шок, от

встречи с потомком, в демоническом облике проходит. И что он пытается, в силу своих командирских обязанностей, хоть как то овладеть ситуацией.

– Силен бродяга! – подумал я с искренним уважением. А вслух, оставив без внимания стандартный ответ, включающий в себя упоминание о непарнокопытных животных, разодетых, к тому же, в теплые, не по сезону одежды, сказал:

– Капитан государственной безопасности Седых! – и добавил. – Специальное подразделение ОСНАЗ НКВД!

– А-а.., – также внятно протянул сержант, – а зачем?

– За тем! – коротко, но также внятно, ответил я.

Но видимо сержант, тоже был не лыком шит. А если судить по его внешнему виду, ясно говорившему посвященному человеку, что он не только кадровый, но еще и старослужащий. Матерый волчара! Такому палец в рот не клади, мигом оттяпает. Надо быть настороже!

– Ну ничего, – подумал я, – мы тоже не пальцем деланные!

И закончил, отметая все возможные вопросы. Как отрубил:

– Специальное задание наркомата! Место выполнения – пограничная зона!

Но и сержант, сразу видно, оказался стреляный воробей, которого, вот так просто, за здорово живешь, на мякине не проведешь. Что и не удивительно. Судя по характерным интонациям и проскальзывающим, то и дело, в его речи, украинизмам, именно с ним меня свела судьба. В тот самый, са-

мый мой первый, выход на приграничной территории. Поэтому следующий его вопрос, и даже не вопрос, а требование, прозвучали вполне ожидаемо.

– Документы! – но видимо, все ж таки, мое липовое ГБШное звание произвело на него должное впечатление. Поэтому уже более благожелательным тоном он добавил. – Пожалуйста.

– Да пожалуйста, – отвечивал я ему, одновременно доставая из специального кармана разгрузки, документы.

Кстати говоря, пришлось поломать голову, экипируясь в этот, первый свой, боевой выход. Поскольку, с одной стороны, пошитая, на заказ форма, с соответствующими, собственноручно прикрепленными, знаками различия, в наличии имелась. Но с другой стороны, изначально предполагалось действовать в лесном массиве, говоря современным языком, в "зеленке", поэтому использование маскировочного костюма было жизненно необходимо. А вот сочетать одно с другим, я посчитал не только излишним, но и даже, не побоюсь этого слова, довольно таки опрометчивым действием.

Хотя, образ советского разведчика, действующего в тылу врага, давным-давно уже создан, стараниями отечественных кинематографистов. И представляет собой, такого, всего из себя, рубаху-парня, в неизменном маскхалате, через расстегнутый ворот которого, проглядывают петлицы. И если сам по себе рубаха-парень, у меня лично, никакого отторжения не вызывает. Необходимое использование кинемато-

графического приема, для создания соответствующего патриотического настроения. То вот внешний вид героя, вызывает некоторое сомнение. Прежде всего, это, конечно же, сама гимнастерка под маскхалатом. Настолько ли необходимо его наличие? Давайте подумаем.

Разведывательно-диверсионная группа, как правило, не многочисленна. Поэтому члены группы хорошо знают друг друга. И знают, кто среди них начальник, а кто подчиненный. Во-вторых, документы и личные вещи, перед выходом, положено было сдавать старшине, на ответственное хранение. Дабы противник, даже захватив, хотя бы труп разведчика, не смог, ни коим образом, определить его принадлежность. И тут, здарсьте вам пожалуйста, форма одежды со всеми регалиями? И даже, если предположить, что вместе с наградами, также снимались и знаки различия, то ведь отверстия все равно останутся. Да и знаки различия командирского состава, коренным образом отличались от знаков различия рядового и сержантского, по форме, а самое главное, по текстуре и качеству используемого материала. Да еще, вдобавок, и дублировались нарукавными знаками различия. Поэтому определить, по форме, начальствующий состав от рядового, как два пальца... , это самое, об асфальт.

И самое главное, целесообразность использования всего этого, в совокупности, да еще и летом. Ведь известно, что человек греется не шубой, а теплом собственного тела. Задача верхней одежда, в данном случае, удержать тепло у тела,

и не дать ему выветриться. Наиболее успешно, с данной задачей, справляется именно многослойная одежда. Чем больше воздушных прослоек – тем теплее. Закон физики! И что мне, любимому, в таком случае делать. Только представить: нижнее белье, гимнастерка, бронежилет скрытого ношения, обшитый материей с обеих сторон, разгрузка, да еще и маскировочный костюм. Уже только, от одного перечисления, жарко становится.

Поэтому и пошел я, по пути наименьшего сопротивления. Оставив, на себе, только необходимый минимум: камуфлированная футболка – для того чтобы впитывала пот и предохраняла, мою нежную кожу, от натирания бронником. Обычно я предпочитаю тельняшку, но не в данном случае. Бережного, как известно, Бог бережет. Мало ли как сложится, а немцы тельник, тем более синий, не носили, кроме плавсостава. Но и у тех он был черного цвета. Во-вторых, бронежилет скрытого ношения. Надо же свою тушку сохранить в целости и, по возможности, в сохранности. Во всяком случае погибать я, пока, не собираюсь. В-третьих, разгрузка. А куда прикажите размещать все, необходимое для боя, снаряжение, вооружение и боеприпасы? Не в руках же таскать!

И последнее – маскировочный костюм "Леший". Без него тоже никуда. Правда пришлось внести в него некоторые, конструкционные, изменения. Но это жизнь так заставила. Ведь надеть его сверху, значит изменить мешковатость фигуры на подтянутость, что уже, даже издали, будет говорить о вой-

сковой принадлежности. В результате вся маскировка, псу по хвост. Но и размещать ее под костюмом, не рационально. Достать сразу, нужную вещь, не получится. Поэтому и пришлось, на самых ответственных местах, пропаривать прорехи, обметывая, затем края, чтобы не расползались.

Зато теперь, любая вещь, оказывается у меня в руках, как по мановению волшебной палочки. Практически мгновенно. Вот и сейчас, сунув руку в прореху, достал из специального, предназначенного именно для документов, прорезиненного кармана, закрытого, и, к тому же, водонепроницаемым, клапаном, командирскую книжку и мандат, подписанный самим нарком. При этом сохраняя надежду, что полиграфические возможности начала следующего века, не сильно отстают от типографских возможностей середины прошлого.

То есть, протягивая, такие же липовые как и озвученное звание, документы, надеялся, что сержант не распознает подделку. Во всяком случае, при первом приближении.

Сержант внимательно изучил, сначала командирскую книжку, а затем и мандат. Особо остановился на подписи – Л. Берия.

– Интересно, если бы Лаврентий Павлович узнал, что я, вот так вот запросто, ставлю его факсимиле на столь ответственных документах, смог бы я отделаться лагерями, или получил бы уж по максимуму, десять лет непрерывного расстрела?

Пока я размышлял подобным образом, сержант тем вре-

менем, видимо убедившись в их подлинности, а вернее, не распознав высококачественную подделку, протянул их мне со словами:

– Но все равно, это не объясняет причину вашего нахождения в приграничной зоне.

– Сначала представьтесь, – поставил я его на место, при этом беря инициативу на себя.

Ведь военный человек приучен к субординации и поэтому необходимо дать ему посыл к действию, команду, которую он безусловно должен выполнить. После чего он, на подсознательном уровне, будет готов к дальнейшему исполнению команд. Если, конечно же, они не идут в разрез с раз и навсегда заложенной программой. И что для него может быть более привычным, чем представление старшему по званию.

– Сержант Нечитайло!

– А вот это вы зря, зря батенька, – неожиданно, даже для самого себя, сдохмил я. – Читать надо учиться, хотя бы для того, чтобы распознавать подлинность предъявляемых вам документов.

– Что-то не так, товарищ капитан государственной безопасности? – насторожился сержант.

– Да нет, все правильно сержант, – попытался я развеять его сомнения и снять настороженность, навеянные нечаянным каламбуром, связанным с фамилией, – просто трудно от вас ожидать способностей по распознаванию фальшивок. В особенности если учитывать, что в германской военной раз-

ведке – Абвере, имеются неплохие специалисты в этой области. Кстати, некоторые из них уже привлекались советским судом за изготовление не только фальшивых документов, но даже денег. И с ходу распознать их подлинность очень трудно, в особенности для неспециалиста.

– Так что же делать? – было видно, что сержант заметно скис. – Неужели вообще невозможно?

– Ну почему же, – попытался я его приободрить, – очень даже возможно. Но для этого необходимо знать определенные нюансы.

– Какие, – вскинулся он, но сразу себя отдернул, – а эти сведения не секретны?

– Ну-у, – протянул я, как бы высказывая сомнение в том, стоит ли доверить ему эту тайну, – аналитики нашего наркомата выявили некую, характерную, особенность, присущую фальшивым удостоверениям, изготовленным немецкой разведкой. Причем, самое интересное, что сами они об этом даже не догадываются.

– Что за особенность? – тело сержанта, невольно, подалось вперед, выказывая, тем самым, его неподдельную заинтересованность в этом вопросе.

– Я думаю, что могу довести их до вашего сведения, – стал незаметно переводить разговор в доверительную плоскость, – тем более, что в скором времени эти знания вам понадобятся.

– В каком смысле? – голос сержанта выдавал растерян-

ность.

– В самом, что ни на есть прямом, – продолжал я негласное психологическое давления, – кстати, как Вас по имени, отчеству.

– Николай Спиридонович, – теперь, кроме растерянности, явно слышалось и недоумение.

– Николай Спиридонович, давайте, отойдем немного в сторонку, – повел я его из зоны досягаемости слуха остальных пограничников.

Сержант, исподлобья, зыркнул в мою сторону, но промолчал.

– Так вот, – сказал я, когда мы удалились на безопасное расстояние, – я не знаю, насколько вы в курсе вопроса, но, после отражения первого удара, пограничные войска, приказано отвести за передовую линию наших войск, – и дождавшись подтверждающего кивка, продолжил. – С задачей поиска, выявления, задержания, а при невозможности и уничтожения вражеских агентов, диверсантов и различных пособников в тылу наших войск. – новый кивок. – А вот для того, чтобы эффективнее выполнять эту задачу, некоторая толика дополнительных знаний, вам, я думаю, нисколько не помешает. – я опять сделал паузу, которая уже явно выглядела как преднамеренная. – Но-о, услуга за услугу...

– Что вы хотите, – подозрения всколыхнули пограничника с новой силой.

– Об этом несколько позже, – опять увел я разговор в сто-

рону, при этом заново опутывая собеседника словесами, как паутиной, – и поверьте, моя просьба будет чисто личного характера.

Таким образом ведет себя рыбак, задавшийся целью подвести крупную рыбу, как можно ближе к берегу. Натянет леску, затем отпустит, создавая у рыбы иллюзию свободы, а сам, тем временем, невозмутимо выбирает образовавшуюся слабинку, причем без всякого сопротивления.

– Так вот, на этот раз германская разведка сама себя перемудрила. И подвела ее, как это не парадоксально, именно немецкая аккуратность и педантичность. Или, лучше сказать, излишняя основательность. Наверное забыли, известную поговорку, что "лучшее – враг хорошего". Желая сделать как можно более качественную подделку они не стали экономить на материале, и использовали все то, лучшее, что могла им предоставить их, германская промышленность.

– Ну и что? – было ясно видно, что сержант не до конца понимает, куда я веду.

– А то, – продолжал я, как ни в чем не бывало, – что на скрепки, соединяющие страницы командирской книжки, они используют нержавеющую проволоку...

– Ну и что?

– Пока удостоверение новое, то и ничего. Но, все дело в том, что они любят рядить своих агентов и диверсантов в опытных военнослужащих. Имеющих солидный послужной список. Таким доверия больше. Понимаешь? – и дождав-

шись ответного кивка, продолжил. – А вот тут то, собака и порылась...

– Как? – опять в голосе явственно слышалось искреннее непонимание.

– В этом то, говорю, и собака зарыта. Так понятнее?

– Ага, – совсем уже по детски обрадовался сержант.

– У наших, старослужащих, по типу тебя, – не преминул я польстить сержанту, – со временем скрепки ржавеют. И следы от ржавчины пачкают бумагу. Можешь сам убедиться.

Сержант достал свою, сержантскую книжку, и, некоторое время, увлеченно ее разглядывал. Для сравнения я протянул ему свое удостоверение, где скрепки были уже изначально, искусственно, состарены. Чего проще, вытащил, на ночь положил в воду, затем обратно. Ржавеют быстро – проверено на собственном опыте.

– А вот фальшивки, таких следов ржавчины не имеют. Уразумел?

– Так точно! – лицо его расплылось в улыбке.

– Пользуйся, – проявил я щедрость и широту души, – и другим можешь передать. Но так, чтобы враг не догадался, раньше времени.

– Можете не сумлеваться, – заверил меня сержант.

Убедившись, что доверительные отношения установлены, я перешел к главному.

– А теперь, на счет моей просьбы, – увидев его настороженность, тем не менее продолжил, – ты мое предписание

внимательно изучил?

– Так точно!

– В преддверии предстоящего нападения противника, – начал я официально, – принято решение отправить в предполагаемую зону будущих боевых действий группу наблюдателей, от наркомата. С целью сбора объективной информации и передачи ее напрямую, минуя другие инстанции. Во избежание ее искажения. – немного подумал и добавил. – Решение принимал лично товарищ нарком. Это до тебя доходит?

– Ясно – понятно, уразумел, – даже обиделся сержант, – ведь не мальчишка, чай!

– Так вот, задача, поставленная товарищем Берией, недвусмысленна – НАБЛЮДАТЬ, и докладывать. Вмешиваться разрешается только в самом крайнем случае. Доходчиво объясняю?

– Более чем.

– Но я ведь, все ж таки русский человек! И моя совесть коммуниста, не дает мне права, безучастно наблюдать, как враг вторгается на нашу землю! Мой долг, как и долг любого советского гражданина дать достойный отпор агрессору! – я поймал себя на мысли, что стал изъясняться лозунгами. Но тут же спохватился, что именно такие слова будут не только более всего уместны, в данный момент, но и быстрее дойдут до собеседника. Ведь, насколько известно, именно на лозунгах воспитано нынешнее поколение. Поэтому мои, па-

фосные, слова не должны вызывать отторжения. Но тем не менее поинтересовался, – я не слишком заумно говорю?

– Да нет, – подтвердил мои предположения сержант, – доходчиво все объясняете.

– Да, но совесть советского командира, обязывает меня, свято соблюдать пункты приказа! Как быть?

– Не знаю, – сержант пожал плечами.

– Вот я и прошу тебя, Николай Спиридонович, оказать мне услугу..., – новая пауза.

– Какую? – было видно, что настороженность его рассеялась, и вопрос им задан далеко не из праздного любопытства, а для того, чтобы уяснить, какие сюрпризы в будущем его ожидают в моем лице.

– Я тут, вместе с вами, немного повоюю, – я со значением посмотрел на него, но боюсь, что в темноте он не сильно рассмотрел многозначительности взгляда, поэтому продолжил, – а ты, по возможности, не будешь распространяться о моем участии. Ну, в крайнем случае подтвердишь, что ситуация была действительно крайняя.

Он немного подумал, видимо прикидывая какие неприятности его могут ожидать в дальнейшем, если он согласится, но тем не менее выдал:

– Согласен.

– Ну вот и хорошо, – обрадовался я, – тогда пошли к остальным, обсудим диспозицию.

– Диспо... что?

– Там поговорим.

Мы вернулись обратно в фортификационное сооружение, гордо именуемое стрелковой ячейкой, причем выполненное по всем правилам инженерного искусства и со всем тщанием. Поскольку можно было разглядеть элементы, которых, при первом приближении, здесь не должно было быть. В частности, наличие наката, пускай только в один ряд, но зато из бревен 20-ти сантиметровой толщины, меня откровенно порадовало. Так же, как и оборудованная запасная позиция для пулемета, и даже ход сообщения, ведущий в тыл, с оборудованным, по всем правилам, отхожим местом. По ходу дела познакомился с другими бойцами, которые и составляли, вместе с сержантом, усиленный пограничный наряд.

Одним из бойцов оказался, тоже, уже знакомый мне Семен, которого я узнал по голосу, носившего кошачью фамилию – Муркин. Найды, как и ожидалось, в составе наряда не было, поскольку изначально предполагалось боестолкновение, с возможным огневым контактом, а не просто задержание нарушителя. Так что, в данном случае, она была бы скорее помехой, чем помощницей. По этой же причине я также оставил собаку дома, на привязи. Зато, вместо Найды, присутствовал еще один боец, глядя на которого, изречение известного мужчины, в полном расцвете сил, да еще и с моторчиком, о том что "Малыш, но я ведь лучше собаки", на мой взгляд, являлось спорным. Поскольку им было лицо, даже не кавказской, а скорее среднеазиатской национальности. Что в

полной мере и подтверждалось его фамилией – Турсунзадеков. Глядя на него становилось понятно, что если в элитные, даже по меркам того времени, пограничные войска, присылают этих, с позволения сказать "нацкадров", то ситуация с призывным контингентом, в Красной Армии, была далека от идеальной. И чем то напоминала мне ситуацию в родных Вооруженных Силах, сложившуюся в конце 80-х годов.

Волей случая, первая моя войсковая стажировка проходила в живописном районе Сертолово, близ Ленинграда. Часть, в которую мы попали, была не только элитной, поскольку носило негласное наименование придворной, каковыми, в те времена считались образцово-показательные части. Которые не стыдно было показать не только высоким начальникам, но и иностранным гостям. Что и подтверждалось тем, что за один месяц пришлось пережить две проверки Министерства обороны, а также официальный, дружеский, визит Министра обороны Финляндии. Которым, на удивление, оказалась баба, что для нас, в то время было сродни футурошока. Кроме всего прочего эта часть оказалась еще и учебной. В которой готовили специалистов для мотострелковых войск. Водителей БТР, механиков-водителей БМП, наводчиков-операторов и других. Мне же лично "посчастливилось" принять взвод в роте, специализировавшейся на подготовке командиров отделений.

– А командир что должен уметь? Правильно, все тоже, что и его подчиненные, но на порядок лучше. То есть и водить,

и стрелять и командовать. Во всяком случае, нас именно так и учили.

Но тут меня ожидал большой облом. Или лучше сказать, большая ж... Поскольку учебный взвод не имеет, как правило, штатной численности, то мне досталось всего-навсего 17 курсантов. Но каких?!!! 10 узбеков, 5 азербайджанцев и 2 чечена. Причем только трое из них узбек, азербайджанец и чечен, с трудом, но говорили на русском. Поэтому служили в качестве переводчиков между мной и представителями своей диаспоры.

– Конечно, с принципом службы "нацкадров": "первый год – не понимаю, второй год – не положено", я был уже более-менее знаком, но вот попробовать их чему-нибудь научить, это и "сизифов труд" и "танталовы муки", в одном флаконе. И если до этого я относил выражение: "вай-вай, шапка разговаривает", к разряду анекдотов, то тут понял, что это и есть, самая, что ни на есть, реальность.

И в реальности пришлось их учить не закрывать глаза при стрельбе, управлять вождением нажимая ногами, поочередно, то на левое, то на правое плечо, да что там говорить, даже правильно срать приходилось учить. Ей богу не вру! Поскольку узбеки, уж не знаю почему, принимали сливную трубу унитаза за держалку. И садились на "очко" задом наперед, держась за трубу руками. И водному потоку не хватало напора, чтобы смыть фекалии с такой площади.

– Уф, как вспомню, так вздрогну. Благо только, что все

это длилось недолго. Всего четыре недели, которые длилась стажировка.

Вот и сейчас, передо мной, на дне окопа, сидел именно такой "нацкадр", крепко вцепившийся в цевье мосинского карабина.

А вообще-то, вооружение пограничного наряда вызывало уважение. Видимо, в этот раз, предки подготовились к отражению супостата должным образом. Помимо пулемета "Максим", первым номером которого являлся сержант Нечитайло, одновременно выполняя функции старшего наряда. И как первый номер, имел в наличии также револьвер, авторства незабвенных, бельгийских оружейников Эмиля и Леона, именуемый фамильярно – Наган. Второй номер, красноармеец Муркин, помимо всего прочего был вооружен автоматом ППД-40. Ну и, уже упомянутый мною, карабин Мосина, которым был вооружен Турсунзадеков.

Познакомившись с личным составом, коротко ознакомившись с инженерным оборудованием позиции, и уяснив состав, имеющегося в наличии, вооружения, решил перейти к выяснению обстановки.

– Так что там сержант, на счет диспозиции? – задал я провокационный вопрос, на который получил предсказуемый ответ.

– Товарищ капитан государственной безопасности, а что это за зверь такой, и с чем его едят? – вопросом на вопрос, ответил сержант.

– Да-а, – протянул я, – сразу видно, что Академиев Генштаба вы не заканчивали. Да, и на будущее – не надо полностью произносить мое звание. Во-первых, я его и без вас хорошо помню, а во-вторых, длительные разговоры во время боя, могут привести к непредсказуемым последствиям. Как говорится: "Меньше слов, а больше дела".

– Слушаюсь, тащ капитан, – тут же урезав звание до минимума, выдал Нечитайло.

– Вот и хорошо, – похвалил я его, – а что касаясь диспозиции, то этот термин дословно переводится как "распоряжение", а в развернутом смысле обозначает возможное или должное поведение субъекта, в зависимости от цели и изменяющейся обстановки.

– Тащ капитан, – растерялся сержант, – нам бы, как-нибудь попроще, если можно конечно.

– Можно и проще, – не стал упорствовать я, – какая у вас цель, сиречь задача, и как вы конкретно собираетесь ее выполнять.

– Ну так бы сразу и сказали, – выдохнул сержант с облегчением, – задача простая – отразить нападение, задержать, насколько возможно, и отходить на соединение с основными силами заставы.

– Ну это-то и так было понятно. Меня больше интересует как вы эту задачу собираетесь выполнять и что нам может помешать, а что и помочь, при ее выполнении. Следовательно нам нужно знать, во-первых – свои силы. Каков числен-

ный состав заставы и как далеко она расположена?

– На заставе 36 бойцов и командиров, включая начальника заставы и политрука. А располагаются они в 5-ти километрах на юг. От границы до заставы, напрямик, 2 километра.

– Все силы сконцентрированы в одном месте? Или кроме вашего, есть еще наряды?

– Начальник заставы приказал сегодня выделить три наряда: наш, один напротив заставы, у границы, и еще один 7 километров южнее.

– Та-ак, а чем интересно это место? Почему вы именно здесь расположились?

– Так ведь по другому и нельзя. Речка, по которой проходит граница, хоть и не широкая, метров 30 всего, да и то, лишь в самом широком месте, а уж своенравная, не приведи господь. В некоторых местах, глубина, ого-го какая. Только напротив заставы – брод. Потому-то заставу там и расположили.

– А дальше что?

– Дальше? – сержант некоторое время соображал, что я имел в виду, но затем, видимо сообразив, продолжил. – Дальше берега настолько поросли ивняком, что не пройти, не подойти. Вот только здесь плес, небольшой, образовался. Но, правда, глубина такая, что дна еще, на середине, никто не доставал. Но, ежели на лодках, или там на плотках, то переправиться вполне можно. Но зачем? Если через брод то,

оно быстрее будет. И здесь немец навряд ли полезет. Но, наш секрет, именно здесь и поставили. На всякий, видимо, пожарный случай.

– Да не на всякий, – бросил я, как бы невзначай, мысленно оценивая обстановку, – голова у вашего командира соображает, и соображает неплохо. Слышал выражение – "смелые герои, всегда идут в обход".

– Не доводилось, – с удивлением в голосе, сказал сержант.

– А именно так оно и есть. Помимо стрельбы и штыкового натиска, немаловажное значение, в бою, имеет и маневр. И обход, как вид маневра, является одним из основных. Кстати, немцы неплохо поднаторели в военном искусстве, за последнее время. Что и не удивительно, поскольку обширную практику получили в Европе. И что из этого следует?

– Что?

– А то, что вероятность переправы части наступающих, несколько в стороне от основных сил очень высока. Поэтому я предлагаю исходить именно из этого, и быть к этому готовыми.

– Так мы и готовы, – опять встрял пограничник.

– К чему готовы?

– Ну это, к бою конечно.

– Николай Спиридонович, бой с подразделением регулярной армии, да еще и имеющем к тому же колоссальный опыт боевых действий, это вам не козюльки под партой мазать.

– Чего? – не врубился с ходу, сержант в озвученную иди-

ому.

– Это, говорю, не контрабандистов гонять, и не с нарушителями перестрелки устраивать. Это действие посильнее Фауста Гёте будет.

– Чего?

– Вот заладил, чего да чего, – подумал я. – Видимо не к месту мои хохмочки, придется переходить на доступный, для большинства присутствующих, язык.

– Думать надо, и крепко думать. – и продолжил. – А для полной ясности картины нам не хватает... Чего?

– Чего? – ну вот опять, прямо чевокалка какая-то.

– Нам не хватает сведений о противнике?

– Зачем? – наконец-то сменил пластинку.

– Знаешь, Николай Спиридонович, в древности, у китайцев, был мудрец. Звали его Сунь Цзы. Так вот, он утверждал, что если ты не знаешь ни себя ни врага, то каждый раз будешь бит, если ты знаешь себя, но не знаешь его, то один раз победишь, а другой проиграешь. И только если ты знаешь и себя и противника, то сражайся хоть сто раз, опасности не будет. Вот так-то! Сколько веков прошло, а до сих пор актуально.

– Так что же делать, – чуть ли не со слезами в голосе выдавил сержант, – не разведку же посылать, в самом-то деле.

– Ну-у, проведение разведки было бы несусветной глупостью. Потому как, во-первых, для этого у нас недостаточно сил. Во-вторых, война еще не началась, и проникновение на

сопредельную территорию будет являться наказуемым деянием. Это они, а не мы агрессоры! Ну и в-третьих, самое главное, в этом нет необходимости.

– Как так? – удивлению сержанта не было предела.

– Очень просто! Достаточно просто поставить себя на место противника и, в первом приближении, можно смоделировать ситуацию.

– Что сделать?

– Это я так. Мысли вслух. Надо только представить, как будет действовать немецкий командир. Учитывая что местоположение заставы, подходы и штатная численность ему хорошо известны.

– Откуда?

– Оттуда! Ты уж, Николай Спиридонович, немца за дурака-то не считай. Да и разведка, у них, всегда на высоте была. – констатировал я прописные истины. – Так значит, говоришь 36 человек на заставе?

– Так точно!

– Задача как раз для ротного уровня. Значит пошлют роту. А пехотная рота, это примерно 160 харь немых.

– Почему немых? – задал сержант вполне резонный вопрос.

– Почему, почему, не любят они там у себя, в Европах, мыться, потому что. – отвлекся я, но тут же спохватился, продолжая размышлять вслух. – А что сделает, при таком раскладе, немецкий ротный командир? Правильно! Основ-

ными силами обозначит атаку напрямую, через брод, а один взвод пошлет в обход. Это ведь не переход в наступление из непосредственного соприкосновения с противником. Значит, есть возможность выдвинуться на исходные позиции заблаговременно и начать атаку одновременно, согласовав по времени. Значит что мы, в итоге, будем иметь?

– Что? – опять высунулся сержант.

– Бледный вид будем иметь, вот что, – раздраженно ответил я. – Пехотный взвод – это четыре десятка фрицев, четыре пулемета, как минимум, да еще, наверняка минометный расчет придадут. Так, на всякий случай. А нас сколько?

– Четверо!

– Вот то-то и оно. По десятку на брата. В лоб держать, поляжем все тут же, не отходя от кассы. Закидают минами так, чтобы головы не поднять. Подберутся поближе, закидают гранатами и амбец. А сами дальше пойдут, даже особо не запыхавшись.

– Так что, выходит напрасно все?

– А вот уж хрен! Утрутся суки. На каждую хитрую ж..у, всегда найдется х.. с винтом, а на более хитрую, с лабиринтом, и х.. подберем, с путеводителем.

Сержант, да и остальные бойцы, буквально выпали в осадок от моего пассажа.

– Так, сержант, – взял я с места в карьер, – до границы далеко?

– Как и положено, 300 метров.

– Кем, простите, положено? – пришел мой черед удивляться.

– Так приказ пришел! Начальника погранвойск! Давно уже. Наряды, ближе 300 метров от линии границы, не располагать.

– А-а-а, ну да, совсем забыл этот пункт, – вспомнил я, что в действительности, что-то такое было. По типу: или он украл, или у него украли. В общем была там какая-то, нехорошая, история!

– Ладно, местность, на протяжении этих метров какая?

– Какая? – сержант задумался. – Ровная, – еще немного подумал и добавил, – в основном.

– А поточнее?

– Ну, прямо отсюда, можно плес обстреливать, – он махнул рукой прямо. – Правее, – взмах рукой вправо, – косогор небольшой. Но просматривается до вершины, метров на 500. А вот справа, похуже. Там, метров через 50, ложбинка имеется. Отсюда не видно.

– Значит, – подвел я итог, – мертвая зона.

– Точно так.

– Эт-то очень хорошо. Даже очень хорошо. – сам не заметил, что заговорил речитативом, на манер песенки. Как в фильме "Хочу в тюрьму".

– Чего же хорошего, – возмутился пограничник, – спрячутся, и не выковырять их будет, оттудова.

– Не скажи, Николай Спиридонович, не скажи, – тут я не

удержался. – Как говорится, что на мешает – то нам и поможет.

И тут же спохватился:

– Так, времени мало, боец, – указующий перст в сторону Муркина, – за мной!

Боец молча подхватился и потрусил за мной.

Спустя полчаса, мы запыхавшиеся, но жутко довольные, скатились обратно, в окоп.

– Значит так, Николай Спиридонович, – отдышавшись, начал раздавать слонов, то есть давать вводные, -план будет следующий: я займу позицию на косогоре, где то посередине, между вами и границей. Просьба в мою сторону не стрелять. Командир, наверняка, останется на том берегу. С минометным расчетом. Я постараюсь их успокоить. Еще, не дай бог, радист с ним будет. Того тоже, до кучи. Чтобы подмогу не высрал. Твоя задача! Подпустишь противника метров на сто и, ведя огонь справа налево, постарайся их загнать в ту самую ложбинку. Я посмотрел, она небольшая, так что, чтобы ты им задницу не отстрелил, то набьются туда плотно.

– А дальше?

– А дальше все! Финита ля комедия! Не долго музыка играла, не долго фраер танцевал. – и тут, поняв, что несет меня куда то не туда, без перехода закончил. – Заминировали мы там все. Как набьются поплотнее, тут им и звиздец настанет. Останется только заупокойную молитву прочитать.

– Товарищ капитан, – вклинился в разговор Муркин, ви-

димом совместная работа, по минированию местности, придала ему смелости, – а вы что, верующий?

– Да вот, то Бога вспоминаете, то молитвы всякие, – в голосе не было подозрительности, только любопытство.

– Ох-хо-хо, с кем мне, за мою долгую жизнь, только не приходилось общаться. И со священниками, и с заключенными, и еще бог знает с кем. А человек я очень восприимчивый. Вот с Нечитайло два часа пообщался, завтра глядишь, по украински забалакаю. – и добавил, отсекая дальнейшие разглагольствования. – Ладно, об этом позже, когда время будет. Вот только буде ли у нас еще спокойное время? Вот в чем вопрос? – и сержанту, – Николай Спиридонович?

– Здесь!

– Сверим часы.

Часы показывали половину третьего утра. До времени "Ч" оставалось совсем чуть-чуть. Да что там, времени совсем не оставалось, но выкроить минутку на то, чтобы заморить червячка, его хватало, с избытком. На мое предложение перекусить, чем бог послал, народ откликнулся с энтузиазмом. Только сержант смотрел с укоризною, дескать, на посту не положено. Но я его успокоил тем, что сказал:

– Впереди война, Николай Спиридонович! И сколько она продлится, никто не знает. А на войне, каждый день на посту. Так что, теперь, всю войну голодным проходить?

Озадаченный такой отповедью сержант обреченно махнул рукой, мол делайте что хотите. Но, тем не менее, от предло-

женного угощения не отказался. А так как, согласно устава, иметь съестное с собой, им было не положен, то и угощать пришлось мне. Благо что позаботился об этом заранее. Прихватив с собой, на боевой выход, обезличенные продукты. Которые, в случае необходимости, и самому можно съесть, а придется, вот как сейчас, то и предков угостить. Причем без опасения быть раскрытым. Круг "краковской" колбасы, шмат соленого сала и буханка "Бородинского" хлеба. Умяли за милую душу!

А вот давать свою фляжку я поостерегся, напился из предложенной ими. И сразу похвалил себя за сообразительность. Поскольку их посуда, в корне отличалась от моей. Хотя бы уже тем, что была стеклянная, а не жестяная, как я привык. По этой же причине пришлось и сигареты, вернее папиросы, стрелять у сержанта. Хотя это лучше, чем горлодер, по недоразумению именуемый махоркой. Которая имелась в наличии у Муркина. Узбек, или туркмен, я так и не смог разобраться в его национальности, курительных принадлежностей не имел. Что и не удивительно, даже в мое время, а мне доводилось бывать в Средней Азии, те же узбеки, всегда табаку предпочитали наркотическую смесь, которую, к тому же не курили, наподобие марихуаны, а сосали.

– Может и он также? Ну извини, дорогой, бананов у меня нема!

Сержант же, воспользовавшись моим благодушным настроением, попытался, под шумок, урвать свои три копейки.

То есть выведать откуда у меня столь необычное снаряжение. А больше всего его, как военного человека, заинтересовал автомат и прибор ночного видения, который я так и не снял с головы. Хотя и необычность маскировочного костюма тоже отметил. Благо, что все остальное, могущее вызвать его интерес, было надежно укрыто от любопытных глаз, бесформенными складками, пресловутого маскхалата.

Пришлось отбрехиваться, что снаряжение секретное. Используется только в ОСНАЗЕ. Что "ночник", представляет собой оптический прибор для НАБЛЮДЕНИЯ, правда с оговоркой, что оно может осуществляться как днем, так и ночью. Оружие нового образца, предназначенное больше для наблюдения, кивок на прицел, но при необходимости может использоваться, также, и для уничтожения. Для того, чтобы увести разговор от нежелательной темы, а также ссылаясь на лимит времени, которое уже откровенно прижимало, предложил выдвигаться на позиции. Предварительно оговорив способы взаимодействия и условные сигналы.

Отойдя на довольно приличное расстояние, используя возможности прибора ночного видения, сначала выбрал, а затем стал устраивать огневую позицию, не пренебрегая при этом маскировкой. Хотя возможности костюма и позволяли затеряться хоть в чистом поле, но все равно, мелочами пренебрегать не следует.

– Ведь известно, что дьявол, он ведь именно в мелочах!
Устроился с удобствами и затих, только изредка поглядыва-

вая на часы.

Стрелки на часах двигались словно сонные мухи, оправдывая тем самым состоятельность теории относительности, согласно которой, если верить автору, то "если присесть голым задом на горячую плиту на минутку, и эта минута покажется часом. А если провести час с симпатичной приятной девушкой – и этот час покажется одной минутой". А также присказку, что нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Но, слава Богу, все рано или поздно заканчивается. Закончилось и мое, томительное, ожидание. На противоположном берегу началось нездоровое шевеление. Если бы все мое внимание не было сосредоточено на конкретной точке, в качестве какой я выбрал пограничный столб, то просто-напросто мог не успеть за стремительно развивающимися событиями. Настолько неожиданно, из прибрежных кустов порскнули группки людей, несущих что-то темное, которое при подробном рассмотрении оказались надувными лодками. Таких групп оказалось, как я и предполагал, четыре. Примерно по десятку человек в каждой. Я не успел и глазом моргнуть, как лодки оказались в воде, и в них, споро стали загружаться вооруженные люди.

Все это действие было хорошо различимо в обычный оптический прицел, поскольку света, только что занимающегося утра, для этого было более чем достаточно. И я мысленно похвалил себя, что отказался от идеи использования ночного прицела. Во-первых, он был более громоздкий, а во-

вторых, рассмотреть все более подробно мешал не столько предрассветный сумрак, сколько утренний туман, буквально стелящийся по поверхности воды. Но все ж таки, в хоть и редкие разрывы, но на расстоянии всего 250 метров, противник был виден довольно отчетливо. И тут же спохватился. Время, которое только что плелось, как старая кляча, вдруг понеслось вскачь, как чистокровный рысак. Боясь не успеть, приложился щекой к прикладу автомата и навел перекрестье оптики на цель. Успев при этом подумать:

– А первый выстрел, на этой войне, будет за мной, – и нажал на спуск.

Хлоп! Звук выстрела был не громче хлопка в ладоши, но отдача все равно существенная. Чувствуется разница 9-мм калибра, супротив 7,62-мм СВДшки. Хотя, пороховой заряд и поменьше, но это не стало препятствием для точного попадания, которое я визуалью наблюдал. От удара пули лодка слегка покачнулась, но, судя по тому, что никто не всполошился, противника это не насторожило.

Перевожу прицел на другую лодку. Хлоп! Есть! Еще одна. Хлоп! Есть! Осталась последняя, она же первая. Эту пропустим.

– Пускай оторвутся от коллектива! Да и лишнее плавсредство не помешает. А буде кто дернется обратно, то извиняйте, этот пароход обратно не поплывет. Чай не бронекатер.

Глядя, как быстро, надежные на первый взгляд, лодки, превращаются, под весом вооруженных солдат, в бесфор-

менное нечто, порадовался. И, с благодарностью, вспомнил незабвенной памяти Сергея Федоровича, старшину курсантской роты. Который, не только смог разглядеть во мне задатки хорошего стрелка, но и приложил определенные усилия, для того, чтобы ограничить мой талант должным образом. А ведь первоначально, когда на должность ротного "цербера" прислали этого типа, гражданской наружности. Да еще и, с напрочь отсутствующими командирскими навыками, вся рота отнеслась к нему пренебрежительно. Дескать, что с него взять, прапорщик, которому до пенсии осталось всего два года, без военной выправки и еще, в добавок в очках. Судя по толщине линз, с очень сильными диоптриями. И такое положение сохранялось, но только до первых стрельб. Где, в силу должности, он заведовал пунктом боепитания. И, между делом, комментировал нашу неудачную стрельбу. На ехидный совет, попробовать самому, отреагировал неожиданно для всех. Взял автомат и вышел на огневой рубеж.

И выдал такой мастер-класс, что ни до, ни после, такой стрельбы я никогда не видел. Хотя до этого и считал себя неплохим стрелком. Подняв все мишени, имеющиеся в наличии, в количестве 20-ти штук, расположенных на дальности от 200 до 600 метров, меньше чем за минуту, не меняя магазина, уложил все на землю. Подтвердив тем самым, что свой знак "Мастер спорта международного класса" он носит не за красивые глаза. Хотя до этого, на вопрос, за какие это такие заслуги, отшучивался: "За метание пончиков".

После такой демонстрации, большего авторитета по стрельбе у нас не было. Оказалось, что всю свою службу он прослужил в СКА округа и, только перед пенсией, его бросили на личный состав, поскольку у данной категории она выше. Именно Сергей Федорович внушил нам, что упражнения прописанные в наставлении, это для солдат срочной службы. Для офицера эти нормативы должны исходить из технических возможностей оружия, находящегося в его руках. Если в ТТХ автомата определена дальность прямого выстрела для грудной фигуре – 440 метров, а по ростовой – 625, то и стрелять нужно именно на эту дальность. А уж стрелять из СВД на 300 метров, как указано в наставлении, это все равно, что в песочнице играть. Вот и испытаем выученные уроки на практике.

Хотя сами выстрелы противником замечены не были, но вот не заметить их последствий они, ну никак не могли. Поскольку уже на середине речки, там где, по словам сержанта, дна еще никто не доставал, лодки сдулись, и все немцы оказались в воде.

– Дай бог, если среди четырех десятков найдется кто-нибудь, не умеющий плавать. Тут то ему и трындец придет. И подозрений не вызовет. Мало ли из-за чего лодки прохудились. Может на сучок напоролись. Русские реки, они такие. В них какой только гадости не плавает. Бывает что и дерьмо. Как сейчас например. Смачные такие кучи дерьма плывут Но надо отдать им должное, плывут молча и целенаправленно. В

сторону нашего берега. Эх, сейчас бы пройтись по головам, провести проверку, на предмет наличия там мозгов. Полетят наружу или нет? Но нельзя. Если вдруг, наличие мозгов обнаружится, могут ведь, ненароком, и соседа забрызгать. Их остатками. Тогда прощай скрытность. Лучше подождать.

На берег, вражеское воинство выбиралось постепенно и по одному. Видимо не все владеют навыками плавания в полной амуниции, в должной мере. Это ведь, только, на первый взгляд простое действие. Для тех кто не пробовал. На самом же деле: во всем нужна сноровка, закалка, тренировка. В советской армии существовали нормативы ВСК (военно-спортивного комплекса), по образу и подобию, нормативов ГТО (готов к труду и обороне). Только адаптированные к военной службе. И знак назывался соответственно – воин-спортсмен. Имел две ступени. Для получения которых необходимо было не только выполнить упражнение, но и соблюсти требования. Среди которых было: наличие спортивного разряда и плавание в обмундировании и с оружием. И хотя сапоги при этом привязывались к телу, а автомат был деревянный, хоть и равный по весу. Но даже при этом проплыть стометровку было не так уж просто. А уж здесь то и подавно. Ведь полная выкладка пехотинца тянет килограммов под тридцать, а у пулеметчика и поболее.

– Может кто пулемет утопит, чтобы самому не потонуть.

Вот вылазят, мокрые курицы. Настроение, даже отсюда видно, на нуле. Если не сказать больше. Злые и раздражен-

ные.

– Это хорошо! Злость в бою, только помеха. Авось еще каких глупостей наделают.

А вот те хрен. Немецкий ордуниг возобладал. Самые здравомыслящие вояки, видимо унтер-офицеры, собирают возле себя людей и, придав им ускорение, отправляют вперед.

– Эх, проредить бы! Но нельзя. До рубежа открытия огня пограничниками, им рысить метров 100-150, это, навскидку секунд 20-30. За это время надо успокоить наиболее опасных, оставшихся на том берегу. Тем более, что имею на это законное право. Противник форсировал реку, правда не столь удачно как сам на то рассчитывал, и тем самым нарушил границу Союза Советских Социалистических Республик. Это значит что? Значит война началась, и пришло время принять ответные меры. Благо что и туман, теперь, выступает в качестве моего союзника, и не даст разглядеть атакующим, что творится на том берегу.

А на противоположной стороне остались те, кто изначально и предполагался. Вот стоит один, смотрит в бинокль. Значит это и есть офицер, командир взвода. Рядом, на корточках, другой возится с ящиком. Наверняка радист. Левее, расположился минометный расчет.

– Раз, два, три. Командир, наводчик, заряжающий. Больше, для этой 50-мм пукалки, по недоразумению именуемой, ротным минометом, по штату, не положено. Но, правда, для пограничников, и этого, по за глаза хватит. Учтем!

Еще один бегаёт по берегу. Суется. Термос в руках.

– Видимо вестовой, или вестовой это у нас? Значит денщик. Но тоже, за посыльного может сойти. Ну все, время вышло. Понеслась душа в рай!

Хлоп! У офицера подогнулись коленки. Хлоп! Радист уткнулся башкой в ящик с рацией. Хлоп! Наводчик миномета, последний раз обнял трубу, как родную маму. Хлоп! Обернувшийся на звук падения, командир орудия, выронил бинокль. Хлоп! Заряжающий упал в ноги наводчика, будто, напоследок, желая облобызать его сапоги.

– Стой! А ты куда? Термос оставь, скотина! Не на пикник пришел. Здесь война, здесь убивают.

Хлоп!

– Вот сука! Юркий!

Хлоп!

Споткнулся, встал на карачки, но улепetyвает целенаправленно. А кусты все ближе. Автоматический огонь.

Та-тах!

– Пиздец, котенку! Больше срать не будет!

В это время, передовое подразделение атакующих пересекло незримую линию, которую сержант Нечитайло определил, как конечную точку их маршрута. Поскольку пулеметный огонь, на 150 метровой дистанции, это практически в упор. И первое отделение, то самое, которое благодаря моим старанием ушло в отрыв от основной массы, как корова языком слизала. Тут же, в разнобой, захлопали винтовки и

ударили немецкие пулеметы.

– Всего два? Значит какой-то, фашистский рассвистяй, все ж таки утерял, вверенное ему, подотчетное, имущество. А второго пулеметчика, скорее всего, уконтропупил сержант. Но все равно, двое на одного, это не по джентельменски. Поэтому уравнием шансы.

Хлоп!

Ближайший, ко мне, пулеметчик ткнулся носом в прибрежный песок.

Хлоп!

Рядом раскинул руки второй номер.

– Пижоны! Белоручки! Два мордovorота на одну железаку, веса в которой всего десять с половиной кило. Попробовали бы они "Максимушку" вдвоем поворочать, с его то сорока кг. Сразу бы пупок надорвали. А впрочем, вам это, уже не грозит.

Нечитайло продолжал вести неторопливую стрельбу, которая то и дело прерывалась, но затем продолжалась опять.

– И не мудрено, ведь одной из причин, отсутствия нормального пулемета до войны, являлось использование матерчатой ленты, которая то и дело заедала. И основная задача второго номера заключалась в равномерности ее подачи. Иначе перекося и, соответственно, задержки при стрельбе. Тот же Дегтярев, смог переделать свой ДП, только после того, как металлическая лента появилась в Красной Армии в достаточном количестве.

Но даже в таких условиях сержант умудрялся поддерживать темп стрельбы, близкий к номинальному в 600 выстрелов в минуту. И вражеский пулеметчик, просто за ним не успевал, теряя время на перезарядку и замену ствола. Поэтому преимущество советского пулеметного расчета стала проявляться все явственнее. И солдаты Вермахта решили ретироваться, от греха подальше, в более безопасное местечко. Каковым и оказалась та самая ложбина, на которую мне указал пограничник. А так как, с Николаем Сидоровичем, была на этот счет предварительная договоренность, то сделать это, у них получилось без проблем. Поскольку безопасный коридор им был изначально обеспечен.

Злые, не отошедшие после незапланированного купания, мокрые и ошеломленные неожиданным отпором, они решили взять временную передышку. Для того, чтобы перегруппироваться, осмотреться и перевести дух.

– Ага, счаз!

Взрыв гранаты ясно показал, что самые расторопные уже достигли самого дальнего конца ложбины и только, заранее установленная растяжка немного притормозила их бег. И позволила подтянуться отставшим.

– Теперь мой выход!

Хренак! Сдвоенный взрыв, сразу двух МОНок, установленных по краям выемки, таким образом, чтобы взрывные волны двигались навстречу друг другу, поставил жирный крест на фрицевском подразделении. До начала боя, гордо

именовавшегося пехотным взводом.

– А нет, вру! Кто-то еще шевелится. Ну, это поправимо.

Зарядив в РГС, термобарическую гранату, прикинул траекторию и нажал на спуск.

Пф-ф!

Подарочек отправился по назначению, к непрошенным гостям.

– Извините что мало. Мы гостей не звали. Зато от чистого сердца.

Миновали те доли секунд, необходимые для распыления горючего вещества, и:

Хренак!

Эффект конечно поменьше, нежели после применения РПО, калибр все ж таки невелик. Но фрицам, судя по мгновенно наступившей тишине, и этого хватило с лихвой.

Еще раз окинув внимательным взором поле недавнего боя и, не найдя ничего подозрительного, привел оружие в походное положение, закинув гранатомет за спину, а ствол автомата положив на сгиб левой руки, и направился к пограничникам. Которых, после совместного боя, можно было смело именовать однополчанами.

Заранее подав условленный сигнал, подошел вплотную и, не спускаясь в окоп, начал раздавать распоряжения.

– Так, бойцы, быстренько пробежались и проконтролировали обстановку. С убитых собрать документы, солдатские жетоны, спороть знаки отличия, если таковые имеются. Все

принести сюда. Винтовки побросать в речку. Пулеметы, автоматы и пистолеты тоже сюда. Собрать боеприпасы. Переправитесь на ту сторону, там шесть человек упокоились, вместе с ихним командиром, все что найдете ценного: карту, документы, оружие – все сюда. Рацию – обязательно, бинокли соберите. Миномет прихватите – пригодится. А мы, с сержантом, присмотрим, чтобы вам никто не мешал. Ясно?

– Есть!

– Так чего стоим! В темпе, в темпе.

В течении получаса, пока красноармейцы выполняли мои требования, мы с сержантом устроили знатный перекур. Нервы нужно было успокоить. Все ж таки это мой первый реальный бой, и пальцы рук немного подрагивали, когда я прикуривал комсоставовскую папиросу, неведомыми путями оказавшиеся у Нечитайло.

– И не мудрено, с такой то фамилией. Национальность, она, как говорится, обязывает. Не даром, когда хохол родился – еврей заплакал!

Пока мы перекуривали и перебрасывались ничего не значащими фразами, Муркин с узбеком, наташили кучу снаряды и оружия. Которые я, после того как почувствовал, что все, напряжение отпустило, стал сортировать. Пулеметов оказалось три, видимо, как я и предполагал, один утопили, все МГ-34. Десять пистолетов, из которых два оказались Р-08, еще их называют "Люгер", по имени изобретателя, или "Парабеллум" от телеграфного адреса фирмы про-

изводителя "ДМВ". Остальные были простые Р-38, обычные пехотные варианты Вальтеров. Еще принесли четыре автомата, или, если называть правильно пистолета-пулемета, два из которых были MP-35, те самые, которые с прикладом, и два, стандартные MP-38.

– Хотя странно, MP-35, от аббревиатуры Maschinen Pistoll – "механический пистолет", обычно вооружают полицейских, и в войсках его можно было встретить крайне редко. Разве только в СС. Но здесь то эсесовцев не было. Или были? Посмотрим документы.

Солдатские книжки, 32 штуки, обычные "Зольбатенбух", к ним столько же смертных медальонов, на которых были выбиты данные военнослужащего. Имеющие линию надлома и зеркальное изображения верхней и нижней части. Медальоны были целые. Четыре книжки принадлежали унтер-офицерам, две фельдфебелям. Муркин высыпал споротые знаки, среди которых преобладали погоны и нашивки, но были также несколько знаков "За ранение", пять "серебряного" и два "золотого" типа, двенадцать "Нагрудных штурмовых пехотных знаков" и три нарукавных щита "За Нарвик".

– Заслуженные падлы! Были.

Был даже "Испанский крест", видимо принадлежавший офицеру.

– Интересно, кто таков? Обер-лейтенант Пауль Фогель. Пусть земля тебе будет.. вернее ты для нее будешь удобрением.

Тем более, что документы остальных не нашлись. Или утонули, вместе с владельцами, или, как выразился Муркин, "пришли в негодность". В силу того, что несколько человек, попросту размазало в кашу, взрывом термобарической гранаты.

Рация, стандартный "Телефункен", интереса у меня не вызвала, а вот миномет заинтересовал. Но лишь на мгновение – все равно не дотащить. А вот один "цейсовский" бинокль я отжал, как и два пулемета, все автоматы и шесть пистолетов, среди которых, оба "Люггера". Сгреб все документы и значки, командирскую сумку офицера, с картой, смертные жетоны. Ответив, на вопрос сержанта, куда мне столько, коротко и ясно: "Для отчетности".

Я, совсем уже было, собрался прощаться, окидывая грустным взглядом кучу снаряжения. Мысленно прикидывая, как всю эту трихомудь допереть до, хотя бы, оврага. При этом во мне происходила внутренняя "борьба нанайских мальчишков", между хомячковой жадностью, помноженную на хохляцкую хозяйственность, и нелюбовью к переноске тяжестей. Как вдруг меня отвлек вопрос Муркина:

– Подожди, перебил я его, – повтори, что ты сказал?

– Товарищ капитан, – боец замялся, – я просто спросил, что с ранеными делать?

– С какими ранеными? – я все еще никак не мог врубиться в смысл вопроса.

– Так это, – растерялся он, – там несколько человек, ране-

ные лежат. Мы им бинты оставили, а что дальше?

– Какие бинты? – я начал закипать.

– Чтобы... чтобы перевязались.

– Я не понял, боец! – точка кипения приближалась к критической. – Я что, говорил, что кого-то надо перевязывать. Что-то такого не припомню. Наоборот я вам приказал ПРОКОНТРОЛИРОВАТЬ. Это значит, что среди нападавших, выживших быть не должно. НИКОГО! Вам понятно?

– Но-о, как же... – от волнения он даже начал заикаться. – Нас учили, что сострадание... Помощь слабому... – было видно, что он с трудом подбирает слова.

– Нет боец! – ярость меня отпустила и, на ее смену пришел трезвый, холодный, расчет. – Вы видимо так ничего, до конца и не поняли. Это война! И эта война не будет похожа ни на какую другую. Спросите почему?

– Почему? – это уже вклинился в разговор сержант. Видимо ему тоже стало интересно.

– Потому что эта война – война на уничтожение. Они пришли сюда, чтобы очистить "жизненное пространство", для своих бюргеров, киндеров, мутеров. И советские люди, населяющие территорию, абсолютно лишние. Мы для них расходный материал. Месяц назад, их фюрер подписал, так называемый план "Ост". Согласно которого 85 процентов жителей оккупированных территорий, включая женщин и детей, должны быть уничтожены, а остальные превращены в рабов. Для реализации этого плана издано ряд приказов, в

одном из которых, приказе об особой подсудности в районе "Барбаросса", прямо говорится, что за преступления в отношении местного населения немецкий солдат, **МОЖЕТ БЫТЬ** наказан в дисциплинарном порядке. Это значит, что можно жечь, грабить, насиловать и убивать, а тебе за это ничего не будет. Вот у тебя Муркин мать есть?

– Есть.

– А сестры, братья есть?

– Есть. Две сестренки младшие и братишка.

– Так вот, боец, если ты не хочешь, чтобы этот изверг, в человеческом обличии, пришел в твой дом. Убил твою мать, отца. Надругался над твоими сестрами. Превратил твоего брата в раба, вывез его в Германию и заставил работать на себя, то ты, да именно ты, должен его убить! Здесь и сейчас! И только тогда ты обезопасишь своих родных и близких. Знаешь, что по этому поводу написал наш советский поэт Константин Симонов, когда узнал о звериной сущности немецкого фашизма? Не знаешь? Тогда слушай! Слушай и запоминай!

Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвом стоял.

Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед, -

Это брат и сосед твои мстят,
А тебе оправдания нет.

Так убей же ты немца сам,
Так убей же его скорей.
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!
Понял!

– Понял! – было видно что его проняло. Да и остальные как-то подобрались, насупились. Лица серьезные, глаза горят. Надо ковать, пока горячо.

– Тогда пошли.

И мы все вместе, сержант тоже не утерпел, направились в сторону границы, обходя вышеупомянутую ложбину, в которой полегло большинство наступавшего пехотного взвода. Причем, огибали ее по северному краю, поскольку бродить среди трупов ни у кого, особого желания, не было. Ближе к реке, где луг переходил в прибрежные заросли, возле деревьев лежали раненые фрицы. Которых сердобольные пограничники стащили в кучу, обеспечив также трофейными индивидуальными пакетами. Раненых оказалось пять человек. Ранения были различной степени тяжести, но при первом рассмотрении, при надлежащем медицинском присмотром, все пятеро должны были выжить. Но вот двое из них, обратно в строй уже не вернуться никогда. У одного пулей было разворочено колено и ему по любому грозила ампутация.

У второго, почти напрочь оторвало правую руку, почти по локоть. Оба они уже были перевязаны, так что жизни их, ничего не угрожало. Они мне были мало интересны, зато оставшиеся трое, если их подлатать, скоро могли бы вернуться в строй. И продолжить победное шествие, в составе германской армии. Именно на одного из них, рыжего фельдфебеля с множественными поверхностными осколочными ранениями, я и указал Муркну.

– Убей его!

Было видно, что пограничник колеблется, не решаясь убить безоружного. И где-то я его понимал, но ситуацию надо было решать кардинально. Из набедренной кобуры я достал пистолет с глушителем, для чего пришлось воспользоваться очередной прорехой в маскировочном костюме. Передернул затвор и выстрелил в голову соседа, ражего амбала, с ранением бедра. Голова дернулось, во все стороны полетели кровавые брызги.

– Видимо немец, на досуге, решил пораскинуть мозгами.

После чего перевел ствол на узбека и, указывая на рыжего приказал:

– Убей его! – видя, что тот тоже сомневается, поторопил

– Ну! И недвусмысленно повел стволом.

Турсунзадеков, судорожно передернул затвор карабина, но я его остановил:

– Штыком!

Заорав, что-то по своему, тот ткнул немца в грудь. Рыжий

дернулся, захрипел и затих.

Я вытащил из его ножен, неосмотрительно оставленный нож, протянул Муркину и, показывая на третьего, истинную белокурую бестию, с ранением обеих рук и окровавленной головой, тихо сказал:

– Теперь ты! – и ствол пистолета уткнулся ему в голову.

Судорожно всхлипнув, Муркин, наконец то решился и, неумело замахнувшись всадил фрицу нож, по самую рукоятку.

– Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал, – прокомментировал я его поступок и добавил – Ну что пошли?

– А эти? – задал сержант, стоявший все это время молча у меня за спиной и только недовольно сопевший, резонный вопрос, показывая на оставшихся.

– А эти, никакой угрозы больше не представляют, – сказал я, – им теперь прямая дорога в инвалидную команду. Пойми, Николай Спиридонович, действие не в коей мере не относится к бессмысленной жестокости или хладнокровному убийству. Только трезвый расчет. Этих нужно будет лечить, тратить на них дорогостоящие лекарства, потом платить пенсию. Своим видом они будут говорить окружающим, что не надо ходить войной на Советский Союз. Там можно или умереть или стать калекой, и третьего не дано.

– Да-а, – нехотя согласился со мной сержант, – но надо ли было именно так? Мальчишки же совсем, – и он указал рукой на блюющего в сторонке Муркина. Азиат крепился,

но тоже был бледным.

– Только так! – отрезал я. – Иначе в рукопашном бою замешкается и погибнет сам. Вместо того чтобы убить врага. Запомни, сержант, нужно не погибать за свою Родину, а воевать так, чтобы они, – я показал на трупы, – погибли за свой Фатерланд! Понятно?

Сержант кивнул. Я, приказал еще раз проверить тела убитых, чтобы не оставлять сюрпризов на подобие забытого, второпях ножа. А сам пошел к окопу, сортировать свою добычу и готовить ее к переноски.

После возвращения сержанта, вместе с остальными пограничниками, обговорил с ними их последующие действия, предложив идти на соединение с основными силами заставы. Тем более, что с той стороны доносились звуки нарастающего боя.

– Видимо, командиру немецкой роты, надоело ждать или же, услышав звуки нашего сражения, он поставил на обходящем отряде крест. В чем, в принципе был не далек от истины.

Тепло с ними попрощался и, подхватив неподъемный груз, побрел, пошатываясь от тяжести, в обратный путь.

Москва, Кремль, 22 июня 1941 года, 5 часов 45 минут, утро.

– Лаврентий, ты мне можешь объяснить, что происхо-

дит? – в голосе Сталина явно слышалось неприкрытое раздражение.

Берия благоразумно молчал. Он уже примерно догадывался о чем пойдет речь, но как опытный аппаратчик предпочитал прояснить суть проблемы до конца.

– В три часа мне звонит Жуков и говорит о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Он докладывает, что германские войска перешли государственную границу, на всем ее протяжении. Я начинаю звонить командующим приграничных округов, чтобы прояснить обстановку, и все они, ВСЕ, в один голос утверждают, что в большинстве случаев противник отбит с большими, для него, потерями. И знаешь почему?

Берия хладнокровно держал МХАТовскую паузу.

– Потому что им, своевременно позвонил товарищ Сталин и предупредил о возможном нападении! И теперь они, в один голос, хвалят товарища Сталина за умение предвидеть и прогнозировать события. Товарищ Сталин для них этакий мессия, Вольф Мессинг, – Сталин прервался, раскуривая трубку, а затем продолжил. – Товарищ Сталин их предупредил, а сам не в курсе происходящего. Это что, выходит, самого себя я предупредить забыл? Так такое могло произойти? Отвечай! Чего ты молчишь?

– Скажу больше, товарищ Сталин, в то же самое время некто, Лаврентий Берия, поднял по тревоге все пограничные войска. Все! От Балтики до Черного моря. А сам тоже, не

сном не духом.

– И ты тоже? – удивился Сталин. – Вот и объясни мне, как такое могло произойти.

– Об этом немного позже, – увильнул Берия от прямого ответа, – но еще добавлю. Я тщательно проанализировал все распоряжения этого псевдо Берии, и, убедившись в их актуальности, подтвердил все им сказанное. Но уже от своего лица.

– Как?

– Я считаю, – Берия продолжал гнуть свою линию, – что если появился некто, играющий на нашей стороне...

– Ты уверен в этом?

– Убежден! Так вот, – продолжил он, как не в чем не бывало, – играющий на грани фола, но все ж таки играющий за нас. Поскольку все отданные распоряжения, необходимо было отдать нам с Вами, но мы не знали о предстоящих событиях. А игрок знал! Спрашивается откуда? Вот это и нужно выяснить в первую очередь.

– Что предлагаешь?

– Подтвердить все указания данные от Вашего имени. Не надо преждевременно будоражить командующих. У них есть задача более насущная, чем разбираться в этих хитросплетениях. А самим, в это время, найти игрока. И выяснить, как он это сделал и, самое главное, откуда у него такие сведения.

– Это возможно?

– Да! Я уже выяснил, что разговор велся с коммутатора,

расположенного на пункте управления Себежского укрепленного района. Правда, по моим сведениям он должен был быть уничтоженным, но я уже нашел оперативного работника, который под видом священника, проводил оперативное прикрытие строительства этого пункта. Он знает тайные ходы из церкви в секретный бункер. И я, взял на себя смелость, отправить его к месту событий. Вместе с группой усиления. Теперь жду известий.

– То есть ты советуешь не торопиться?

– Да.

– А что за директива N21, что за план "Барбаросса", на которые ссылается "игрок".

– Я уже поставил задачи нашей агентуре. Жду результатов.

– Держи меня в курсе дела.

– Слушаюсь!

Когда Берия покинул кабинет, Сталин стоя возле окна, смотрел на ночную Москву, еще не знающую, как и вся страна о свалившемся на нее бедствии, и думал: "Кто же ты такой – "игрок"?"

Возвращение от места моего первого, в этой истории, боестолкновения до портала, отдаленно напоминало путешествие мальчика-с-пальчика. Когда он, отмечая пройденный маршрут, высыпал в карманные дырки великана, хлебные крошки. Мой маршрут, также четко прослеживался, но толь-

ко благодаря брошенному оружию. И как тут было не вспомнить, любимую компьютерную игрушку: "Call of duti". В которой, сколько бы ты не нагружал на себя образцов вооружения, но физически эта тяжесть, нисколько не ощущалась. Здесь же, с каждым пройденным шагом, тяжесть, давившая на мои многотрадальные плечи, все ниже и ниже склоняли меня к земной поверхности. Напоминая, тем самым, легенду о русском богатыре Святогоре, которого, в конечном итоге, перестала держать сама, мать сыра земля, не выдерживая его тяжести. Поэтому и пришлось, последние годы, обитать ему только в горной местности, так как, стоило только коснуться простой земли, то он начинал в нее погружаться. Чтобы избежать подобной участи мне пришлось сбрасывать лишнюю тяжесть, хотя, ее величество, грудная жаба давила со страшной силой. Но, делая неизбежный выбор, между трофейным имуществом и, собственным здоровьем, то предпочтение, всегда отдавалось последнему. Поскольку, жизненный принцип: "Жадность – фраера сгубила!", всегда, для меня, был главенствующим.

Чувствуя, что дальнейшее продвижение, в полностью нагруженном состоянии, чревато непредсказуемыми последствиями, я решил избавиться от излишней тяжести. Поэтому, первоначально, в кусты полетел МГ-34. Правда, место падения я, в памяти, отметил. Далее, за ним, последовал один автомат, затем другой и, в конечном итоге, третий. Через пять километров, пришлось избавиться от последнего

пулемета и, спустя еще пару километров, от парочки пистолетов.

– Блин, – пришла в голову, далеко несвежая мысль, – надо искать какое-нибудь средство доставки трофеев, до места назначения. Иначе, как минимум, межпупочная грыжа, мне обеспечена.

В общем, когда я дошел до портала, в наличии у меня остались только документы, сложенные в полевой сумке обер-лейтенанта, да пара пистолетов. Таким образом, первый блин, в полном соответствии с известной поговоркой оказался комом. Поскольку итоги моего похода "за зипунами", были не просто плачевными, а даже более того, откровенно говоря, просто никакими.

– Екарный бабай, это что же получается, – свербела в голове одна, но от того не менее неприятная мысль, – что все лелеемые, в течение последних десяти месяцев, планы, попали в одно, трудно произносимое место, а в просторечии говоря – псу под хвост? Что все, с такой тщательностью и скрупулезностью выстраиваемые замки, на проверку оказались воздушными? Разбившись о суровые будни реальной действительности.

Не-е-ет! Такое положение меня в корне не устраивало. И если планы не соответствуют сложившейся ситуации, то в этом случае нужно, или менять планы, или же саму ситуацию. Второе, конечно же, предпочтительней. Как в песне: "Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он

прогнется под нас"!

– А как лучше всего это сделать? Элементарно, Ватсон, озаботиться средством доставки трофеев до места назначения. А выбор средств то, весьма ограничен. Можно, конечно же, нанять носильщиков. Но этот вариант чреват непредсказуемыми последствиями. Если брать людей из "светлого" будущего, то это значит посвящать в тайну портала посторонних. Не пойдет! Искать добровольных помощников на этой стороне? Тоже не вариант. Использовать в качестве тягловой силы пленных солдат противника? Вариант, но только на самый крайний случай. Поскольку после решения задачи с ними надо будет что-то решать, и решать радикально.

– То есть, бритвочкой по горлу, и в колодец. Так никаких колодцев не напасешься, да и как-то, ненадежно все это, что ли.

Остается последнее: найти реальное тягло, хотя бы и в одну лошадиную силу, на месте событий. На лошадь много чего вкусного можно навьючить, а на телегу еще больше нагрузить. Но есть один, очень, на мой взгляд, существенный недостаток – низкая мобильность. Да и со скрытностью придется распрощаться. А ведь она, то есть скрытность, одно из главных моих преимуществ. На лошадь то, маскхалат не натянешь, да и ползать ее не научишь. И голосом, то есть лошадиным ржанием, в самый, как правило, неподходящий момент, может выдать мое местоположение. И все, каюк, пишете письма. Хотя мне, и писать то некому.

Остается последнее средство, более, так сказать привычное для человека XXI века, механическая тяга. Это ведь только в 40-х годах, умение управлять механическим транспортом, будь то мотоцикл, трактор или автомобиль, относилось к категории дефицитных специальностей, а для большинства моих современников, настолько привычный атрибут жизнедеятельности, без которого как без рук. Вернее без ног. Некоторые мои знакомые настолько срослись, со своими железными лошадками, что извините за выражение, пешком даже срать не ходят.

– Да что там говорить, сам из таковских. Пройти двести метров пешком, когда под рукой машина, это просто выше моих сил.

Вот и надо исходить из привычных стереотипов, а не ударяться в экзотику. Осталось суший пустяк: определиться с видом транспорта. Поскольку имеющиеся у меня в наличии, не подойдут, каждая по ряду причин. Внедорожник: элементарно не пролезет в портал, если пихать его целиком. А разбирать и собирать по запчастям, слишком затратно и утомительно. Спортивный мотоцикл: шумный и имеет низкую грузоподъемность. Квадрацикл: громоздкий и слишком привлекающий внимание. Как инородное тело.

– Проще бизона, в стаде коров спрятать.

Значит надо искать транспорт на той стороне. Лучше всего подойдет раритетный байк, и обязательно, чтобы с коляской. Во-первых, транспорт, во-вторых, средство достав-

ки трофеев, до места назначения, а в-третьих, и сам по себе антиквариат. Некоторые экземпляры на несколько десятков тонн американской зелени потянут.

– Значит решено, – подвел я итог своих размышлений, – отправляемся на поиски подходящего транспорта. Но, – тут же сам себя поправил, – попутно при выполнении первоочередной задачи.

А первым делом, относящимся, по моему разумению, к категории первоочередных, была проверка состояния моста. Того самого, возле местечка Мяркине, целостность которого так удивила Гота.

– Надеюсь, что в этой реальности, ему не будет повода для удивления. Об этом я уже побеспокоился заранее.

Ведь принцип разминирования особо важных объектов заключается только в том, что саперы ликвидируют подрывную сеть, а сами заряды, как правило, оставляют на месте. На тот случай, если вдруг, придется самим смазывать салом пятки, то не будет необходимости, заново делать укладку, а только надо будет провести новую сеть. Сеть обнаружить очень просто, так как, в то время использовались только электрический или огневой способы подрыва. А это значит, что места установки детонаторов легко обнаружить, или по проводам, или по торчащему бикфордову шнуру. Стоит только вытащить детонатор и, вопрос подрыва заряда сразу станет большой проблемой. Но весь фокус состоит в том, что для подрыва всего заряда достаточно установить детонатор

только в одну шашку, а конструктивно каждая имеет аналогичное гнездо, которое, до поры, до времени, пустует и, ввиду ненадобности, заклеено бумагой. А если вставить в такое отверстие радиовзрыватель, то обнаружить его, особенно если учитывать, что, в то время, они практически не применялись, очень проблематично. Ведь для этого необходимо проверить все шашки, а нынешние саперы, не избалованные такими новшествами, наверняка, этого делать не будут. А чтобы парочка шашек обзавелись такими новинками, об этом я уже побеспокоился, заранее. Но вот, для того, чтобы они сработали своевременно, для этого процесс нужно проконтролировать. А если учитывать такой нюанс, что мне удалось достать только такие радиодетали, которые гарантированно срабатывают лишь в радиусе 500 метров, то и соответственно, источник сигнала, вместе со мной, разумеется, должен быть на дистанции не большей этого расстояния. А мост расположен на удалении километров 30-ть от портала, и поэтому первоочередной задачей является: разменять это расстояние на те 500 метров, которые необходимы для гарантированного срабатывания заряда.

Первые шесть километров по любому придется преодолевать по дну оврага, который извилистой загагулиной тянется от портала и, под острым углом, выходит практически к самому Неману. Не доходя до берега реки несколько сот метров. Но даже эти метры, густо поросшие прибрежной растительностью, среди которой преобладали ивы, рас-

кинувшие свои ветви, практически до самой земли, а также довольно густой кустарник. Что, в свою очередь, могло обеспечить скрытное перемещение, вплоть до самой воды.

И тут, в полный рост, вставала проблема выбора. Продолжать дальнейший путь вдоль берега, рискуя при этом добрести до финиша на последнем издыхании. Поскольку 30-ти километровый марш-бросок, по пересеченной местности, мало того, что грозил растянуться часов этак на шесть, но и неизбежно повлечет за собой чрезмерную усталость, которая может сказаться в дальнейшем. Если вдруг, не дай Бог, придется в экстренном порядке, уносить ноги.

– А ведь известно, что любые, даже самым тщательным образом, разработанные планы, имеют право на существование только до первого выстрела. После чего человек уже становится рабом обстоятельств.

И за примером даже далеко ходить не придется. Мой личный, в данном случае неудачный, опыт, тому наглядное подтверждение. Но, как говорится: "Гладко было на бумаге – да забыли про овраги".

А этих самых оврагов, да еще густо насыщенных многочисленными притоками Немана, имеющих, к тому же, разную ширину, от, практически незаметных ручейков, до, довольно таки широких, метров до 15-20, речек. Которые, вместе с оврагами, могут растянуть прибрежное путешествие до неизвестного временного промежутка.

– А время, это такая категория, которая течет только в од-

ном направлении. Из прошлого – в будущее. И направить ее, в обратном направлении, еще никому не удавалось. Не даром говорится, что: "Прошлого не воротишь". Хотя, после обнаружения мною временного портала, я бы не стал утверждать этого, столь категорично. Но, тем не менее, действовавший, во времена курсантской юности постулат: "Чем меньше мы тратим времени на передвижение, тем больше его остается для всего остального", не потерял свою актуальность. И применим, в данном, конкретном случае, как никогда.

Поэтому, остается только один вариант, использовать силу естественного водного потока, в качестве движителя. Который может доставить адресат, в данном случае меня, до места назначения. Причем без затрачивания особых усилий, и, что немаловажно, с минимальной потерей времени. Тем более, что путь мне уже хорошо известен по прошлому путешествию к мосту. Правда, с существенной оговоркой. Та, не побоюсь этого слова, прогулка, протекала в мирное, довоенное время. Причем ночью и, с использованием лодочного мотора.

Сейчас же, предстояло весь путь пройти днем. По местности, на которой идут боевые действия между двумя самыми сильными, на данный момент, армиями Европы, а то и всего мира. И лодочный мотор, который в прошлый раз, без проблем, доехал до самой реки, на квадрацикле, в этот раз придется тащить на собственном горбу. Что при его массе, под 50-т килограмм, становится нетривиальной задачей. А в

совокупности с весом остального снаряжения, то и просто невыполнимой. Значит придется обходиться только одной лишь надувной лодкой. И надеяться, при этом, что река сама меня вынесет, куда-нибудь, до места назначения. Благо, что направление движения совпадает с направлением течения реки. В противном случае, я просто не выгребу в одну харю, 30-ть км, против течения. И возвращаться, по любому, придется по суше.

– Да и пес с ним. Если с мостом все обойдется, тьфу, тьфу, тьфу... То это уже не будет иметь особого значения.

Но вот тот факт, что до моста придется плыть днем, несколько напрягал. Поскольку надувная лодка, по середине не очень большой реки, это не есть гут.

– Достать могут с любого берега, причем даже особенно не напрягаясь.

Успокаивало, в некоторой степени, только то, что свои вооруженные всяким хламом, лоханки, фрицы по любому, не могли доставить до места назначения так оперативно. Это уж потом, с прибытием в данный район тыловых подразделений, подтянуться и части речных флотилий, вооруженных, в том числе и бронекатерами. Для перевозки которых необходим железнодорожный транспорт. А также переоборудованные рыбацкие баркасы и речные баржи. Для чего тоже необходимо время, а также некоторое затишье вблизи водной артерии. Сейчас же этого можно было не опасаться. Правда имелаась и другая сторона медали. Ведь Неман входил в зону

ответственности Пинской речной флотилии, которая в реальной истории практически никак себя не успела проявить, за исключением отдельных случаев. И основной причиной этого было то, что она относилась к оперативному управлению Краснознаменного военно-морского флота. А главнокомандующий ВМФ, адмирал Кузнецов, Николай Герасимович, насколько похвально действовал в вопросах приведения войск флота к полной боевой готовности, настолько непростительно упустил вопрос, связанный с подготовкой к войне данной флотилии. Потому и, соответствующие приказы дошли до адресата с некоторым опозданием. Практически в последнюю очередь. Потому и командование, просто напросто, физически не успело среагировать должным образом на угрозу нападения. Получив приказ о приведении флотилии в "оперативную готовность номер 1", ровно в 4.00 22 июня 1941 года, командующий флотилией, контр-адмирал Рогачев Д. Д., успел только оказать помощь в обороне Брестской крепости, а в последствии и самого Пинска, где располагался его штаб, а также Могилева. Поэтому в бассейн Немана, они уже физически попасть не могли. Сейчас же, после моего вмешательства, когда я специально акцентировал внимание командование округа на этом вопросе, надеюсь, что ситуация с участием флотилии в отражении агрессора, изменится должным образом. И пускай, кардинально, они изменить ничего не смогут, но даже несколько своевременных ударов, в наиболее уязвимые точки, должны замедлить продвижение

противника.

Но вот сама возможность встретить советские бронекатера в то время когда я, как известная субстанция, буду болтаться по середине реки, ни в коей мере не улучшало моего самочувствия. Мало кто будет разбираться, встретив в зоне боевых действий резиновую лодку неизвестной конструкции. Да еще и с пассажиром на борту, одетого в униформу не известного образца. Просто шарахнут, со всей пролетарской ненавистью, из орудий главного калибра по неопознанному плавающему объекту. А то и просто, чтобы не разминиваться по пустякам, причешут из пулеметов. Мне и такого "пустячка", хватит с лихвой. Особенно учитывая любовь морячков, пускай и речных, к пулеметам крупных калибров. В особенности ДШК, с его 12,7-мм. Одной такой пули хватит выше крыши, для того чтобы мое водное путешествие закончилось, так и не начавшись.

Единственное, что меня, в данной ситуации, несколько успокаивало – это то, что согласно всем известным законам природы, а также благодаря вращению земли в одном, строго определенном направлении, левый берег реки представлял собой заросшую камышом и низкорослым кустарником, низменную пойму. К тому же в изобилии насыщенную различными притоками, протоками, заводьями и островками. Которые, местное население именует, в просторечии – плавни. В которых можно затеряться не только одинокой лодке, но и целому речному флоту.

Поэтому, если продвигаться от островка к островку, прикинувшись кочкой, да еще и напевая при этом, по примеру мультяшного героя: "я кочка, кочка, кочка, а вовсе не медведь!", то на шармачка, может и прокатить. В крайнем случае, можно уйти вплавь, и, затерявшись в камышах, продолжить дальнейший путь по суше. Но это на всякий, пожарный, случай.

– А вообще-то, очень бы не хотелось такого развития ситуации. Хотя, с другой стороны, можно долго сидеть и рассуждать, абы чего не вышло. На самом же деле, надо просто брать и делать. Ведь по лежачий камень, как известно вода не бежит. Да и вообще, в полном соответствии с известным анекдотом: "Хер ли здесь думать – прыгать надо!"

Размышляя таким образом, я совмещал приятное с полезным, одновременно отдыхая, лежа на деревянных нарах, которыми было оборудовано спальное помещение бункера. При этом задрал ноги, чтобы кровь отхлынула от нижних конечностей и, хотя бы в небольшой степени прилила к голове. Все ж таки, длительные пешие прогулки, да еще и в чрезмерно нагруженном состоянии, не самое приятное времяпровождение, в моем, далеко не самом юном возрасте. Поэтому, чтобы опровергнуть постулат о том, что "дурная голова, ногам покою не дает", нужно было все, как следует, обдумать.

Я специально не стал подниматься на поверхность, чтобы не расхолаживаться. Поскольку, нахождение в бункере до-

военной постройке, даже с учетом того, что находится он в моем времени, все равно, должным образом, настраивало на определенный лад, и не позволяло расслабляться.

Отдыхая таким образом, я не забывал следить за временем, которое уже перевалило за полдень. Что ясно давало понять, что дальше тянуть с выходом уже нельзя. Если я не захочу шариться по окрестностям в темноте. Поэтому прибрал все ненужное, в данный момент имущество, которое включало в себя трофейное вооружение, которое, невероятными усилиями, я все ж таки допер, до места назначения, а также документы и некоторые современные девайсы, в том числе и прицел ночного видения. Сложил все в сейф, находившийся в оружейке. Перемотал портянки, которые надевал перед выходом, вместо носков, помня о том, что для сохранения ног от потертостей и опрелостей, неизбежных в длительном походе, ничего еще не придумали. Проверил, в очередной раз, амуницию и снаряжение. Закинул за спину мешок с лодкой и ножным насосом, и подался на выход.

Движение по, уже хорошо известному маршруту, который пролегал по дну оврага, большой проблемы не составляло. Правда, приходилось, время от времени, соблюдать осторожность, преодолевая наиболее трудные участки. Стараясь не сверзнуться в ручей, чтобы преждевременно не промочить ноги. Потому что, долгое путешествие, с мокрыми ногами и сырой обувью, удовольствие ниже среднего. Вот и приходилось осторожничать и цепляясь за ветки кустарника, гу-

сто облепившего склоны оврага, перешагивать через ручей, с одного берега на другой. Дальше, когда ширина ручья превысила 1,5 метра, пришлось выбирать тот берег, который был наиболее удобен для движения.

Когда, таким образом, я уже отмахал почти две трети пути, впереди, по ходу моего движения, загрохотало. Причем солидно так. Как будто, совсем рядом. Хотя, по прикидке, до конца оврага оставалось еще километра два, но грохот стоял такой, что создавалось впечатление, что стреляют прямо над головой. Причем огонь велся явно не меньше чем батареей. Поэтому пришлось немного притормозить, умерив свою прыть, и усилить осторожность.

Конечно, я был далек от мысли, что противник мог бы разместить орудия, непосредственно в самом овраге. Во-первых, склон был довольно таки крутой, и, чтобы скатить по нему пушки, нужно было изрядно попотеть, а во-вторых, наличие ручья, вовсе, сводило на нет такую возможность. Но вот сам берег реки, довольно ровный, являлся идеальным местом для такого расположения. И скорее всего именно там командир немецкой батареи поставит свои пушки. Если конечно он не дурак, а вот дураков-то, нацисты, к большому сожалению, на таких ответственных должностях не держали. Нет, конечно же, и в Вермахте процветал протекционизм, пускай не таким махровым цветом как в Рейхсвере, или, позднее в родной советской армии. Стоит только вспомнить известный анекдот про сына полковника, которому ни-

когда не стать генералом. В Рейхсвере же, главным условием успешного карьерного роста являлась принадлежность к аристократической касте, а еще лучше иметь прямое отношение к какой-нибудь военной династии, желательно с прусскими корнями. Нацисты такими вещами особо не заморачивались и ценили в людях, в первую очередь, личные качества человека. И будь ты хоть супер-пупер аристократ, но если из тебя офицер, как из дерьма пуля, то на ответственной командной должности тебе долго не продержаться.

Вот и командир батареи, преградившей мне дальнейший путь к реке, видимо свое дело знает довольно туго. И, соответственно, шансов у меня пробраться мимо огневых позиций незамеченным минимальны. Поскольку прилегающую к оврагу местность я, в предыдущие разы, изучил досконально. Но все-таки нужно осмотреть все визуально, вдруг какая умная мысль и, придет в голову.

Пока я мысленно прикидывал весь, применимый к данной ситуации, расклад, овраг незаметно кончился. Что стало явно заметно по уменьшающимся по высоте склонам. Если первоначально, даже в прыжке, нечего было и мечтать окинуть взглядом окрестности, то теперь приходилось уже пригибаться, дабы не торчать во весь свой, немаленький рост, на всеобщем обозрении.

В конечном итоге, мне уже пришлось ложиться на брюхо и ползти по-пластунски. Благо, что навыки, приобретенные когда-либо, со временем полностью не утрачиваются, а толь-

ко как бы консервируются до лучших времен. Примером чему можно привести езду на велосипеде. Мало кто не падал и не разбивался при первоначальном приобретении этого, на первый взгляд, несложного навыка. Зато в дальнейшем, сколько бы времени не прошло, достаточно только оседлать железного коня, как все умения тут же восстанавливаются.

В отличие от неиспользуемых знаний. Которые, если не пополняются, то со временем утрачиваются полностью. О чем предупреждал еще непревзойденный гений сыска – Шерлок Холмс. Что если "забивать свой чердак всяким хламом, то, в самый ответственный момент в нем, наверняка, не найдется места для чего-то, действительно нужного".

Выбрав в качестве ориентира куст какого-то неизвестного, но донельзя колючего кустарника, я дополз до него, с таким расчетом, чтобы он дополнительно прикрывал меня от внимательных глаз немецких наблюдателей. Если таковые будут имеется в наличии.

Получив такой неожиданный бонус в виде естественно-го средства маскировки, достал оптику и стал обозревать окрестности.

Все было в точности так, как я и предполагал. Во всяком случае, почти. Ниже по течению, примерно в полукилometре, расположилась небольшая, на десяток хибарок, рыбацкая деревушка. В которой уже, деловито, хозяйничали оккупанты. Что подтверждалось не только запредельной суетой и мельтешением солдатских тушек между домами, но и, доле-

тающим даже досюда, душераздирающим поросычьим визгом и заполошным кудахтаньем кур. Они были явно слышны в те, редкие минуты тишины, которые требовались номерам расчетов для перезарядки орудий.

– Все логично. Добыча пропитания – первейшая заповедь солдата. Причем не зависимо от национальной принадлежности. Ведь, как известно, его боеготовность прямо пропорциональна степени наполненности желудка и, соответственно общей сытости организма. А на общевойсковой паёк особо не разгуляешься. Это ведь не лёгкая норма. Вот и приходится изыскивать возможности для того, чтобы раздобыть приварок для солдатского котла. И командиры, причем по обе стороны фронта, относились к этому с пониманием. И даже, негласно, поощряли подчиненных на подобные действия. Имея, естественно, с этого свой гешефт.

Между деревушкой и оврагом, в котором я находился, среди довольно густых зарослей различного кустарника, в том числе и того самого, колючего, который, в данный момент, нещадно лохматил мою лохматую "камуфлю" на дополнительные лоскутки, раскинулась, довольно большая, но узкая проплешина. Примерно метров сто на пятьдесят. И, именно на ней, выстроенные в ровную линию, располагались орудия вражеской батареи. Интервалы между ними составляли метров 20-25, поэтому до самого крайнего, ближайшего ко мне, было всего-навсего около 70 метров. И судя по реакции моих многострадальных ушей, калибр орудий был

внушительный. Где-то в районе 150-мм, а если учитывать, что в Вермахте, для ствольной артиллерии, был принят сантиметровой размер, то это примерно 15 сантиметров.

– И если меня не подводит память, то на вооружении Германии было только одно орудие такого типоразмера. А именно "schwereFeldHaubitze" – 15 cm sFH 18, что расшифровывается как "тяжелая полевая гаубица. А цифра 18 обозначала, соответственно, год принятия на вооружение. Но она фиктивна, для того чтобы обмануть наивных англичан. Ведь Версальским договором в Германии была запрещена разработка артиллерийских систем, и цифру 18 вводили, дабы ввести в заблуждение иностранные комиссии. На самом деле разработка гаубицы проводилась с 1926 по 1930 год, а в войска она начала поступать с 1934 года. Поэтому на сегодняшний день ее можно было считать одной из самых современных орудий Вермахта.

Так и есть! Визуально, с другими орудиями данного калибра, а именно с 15 cm sIG 33, тяжелым пехотным орудием полкового звена, или, тем более, с 15 cm Kanone 18 (K 18), которая уже относилась к артиллерии РКК, спутать довольно тяжело. Именно 15 cm sFH 18, стоявшая на вооружении тяжелого артиллерийского дивизиона артполка, дивизионного уровня подчиненности. Характерная, для данной модификации, конструкция шасси, включавшая в себя, наряду с двумя основными, металлическими колесами, снабженными цельнолитыми резиновыми шинами, два дополни-

тельных, смонтированных в виде передка, на который укладывались станины, для уменьшения удельного тягового сопротивления при транспортировке в походном положении. Сами передки, стоявшие несколько в стороне от огневых позиций не оставляли сомнения, что это именно sFH 18. Это уже гораздо позднее, под самый конец войны, когда Германии катастрофически не хватало уже не только дефицитного каучука, но и элементарного металла, конструкция гаубицы претерпела некоторые, специфические изменения. В первую очередь лишились резиновых шин вспомогательные колеса, на передках, затем основные, а уж потом и вовсе убрали все излишества, коренным образом не влияющие на баллистические характеристики орудия.

– Что, в принципе, логично. Это, планируя захват огромных территорий Советского Союза, упор делался, прежде всего, на высокую мобильность и маршевую скорость артиллерийских частей. Отсюда и особенность конструкции, в виде четырехколесного шасси. В конце войны было не до излишеств. Как говорится, "не до жиру, быть бы живу". Главное дотащить гаубицу до рубежа обороны, а чем дальше, тем этот рубеж был ближе. А там уж как Бог даст. Он, чаще всего и давал, правда, совсем не то, на что рассчитывали гитлеровцы. Поэтому то, вопрос со сменой позиций, остро не стоял. Просто нечего было уже перемещать.

Жирным плюсом в моей ситуации было то, что батарея, видимо, относилась к артиллерийским частям новой органи-

зации. Поскольку до 1939 года вся артиллерия дивизионного звена базировалась исключительно на конной тяге. А это, без малого, 125 лошадей и 26 повозок. К которым, в качестве бесплатного приложения, приписывалось более пятидесяти водителей кобыл, или, говоря официальным языком, погонщиков. Из расчета один погонщик на двух лошадей.

– Но и водителей на механический транспорт, фрицы всегда набирали с запасом. Поэтому, помимо основного, всегда присутствовал и запасной. И, в первоначальный период войны, этот фактор был как нельзя более актуальным. Поскольку границу пересекали только части заведомо имеющие полный штат. И, соответственно, уменьшение общей численности личного состава на 6 унтеров и 19 рядовых, особой роли не играет. Как говорится, что "лбом об пень, пнём по лбу", в принципе без разницы и для меня большого значения не имеет. Хотя....

И тут мне вспомнилась книга, которую читал в детстве, а за неимением в наличии жанра альтернативной истории, приходилось довольствоваться художественной литературой описывающей реальную войну, пусть и элементами авторского вымысла. Так вот, в этой книге, к сожалению, не помню ее название, один из героев подвизался на ниве медбрата, в армейском госпитале, в Подмосковье. Поскольку, после выхода из окружения, большего ему доверить не рискнули. И вдруг, как гром среди ясного неба, выходит Указ о присвоении ему Почетного звания – Герой Советского Со-

юза. Разумеется, удивленные и заинтригованные однополчане кинулись к нему с расспросами: что да как, да почему? В итоге выяснилось, что пока он пробирался, в одиночку, к линии фронта по тылам противника, то неожиданно набрел на немецкую батарею, которая также располагалась на берегу реки и также вела огонь по нашим частям. И пользуясь тем, что в момент выстрела, артиллеристы, практически, больше ничего не слышат, а также благодаря навыкам потомственного охотника, он, не торопясь, "В ОДИНОЧКУ", выбил весь личный состав батареи.

– Не знаю правда, имел ли место в реальности подобный случай, или это авторский вымысел, но тем не менее, Родина, оценила действия этого солдата по достоинству. Вот мне и стало интересно, смогу ли я, пользуясь своим техническим превосходством в вооружении перед тем безвестным солдатом, у которого была одна только СВТ, повторить его подвиг. Или мне слабо?

Возникновению таких позитивных мыслей, способствовали некоторые нюансы, которые я разглядел в ходе детального рассмотрения позиции батареи. В первую очередь, бросалось в глаза вопиющее, по своей сути, нарушение хваленного немецкого "орднунга", в плане размещения пункта боепитания. Который, вопреки всем, имеющим место в германской армии, нормативам, располагался непозволительно близко от огневых позиций. Всего в каких то 30-40 метрах от ближайшего орудия. Чему явно способствовал тот самый колю-

чий кустарник, который, в свою очередь, отравлял жизнь и мне. Его сплошные заросли занимали всю свободную площадь. За исключением той проплешины, на которой собственно и разместилась батарея. Почва на ней была преимущественно песчаной, но даже отсюда, были хорошо видны длинные полосы, белесоватого оттенка, пересекающие импровизированную поляну под разными углами. Что очень сильно напоминало цвет перенасыщенных солями почв, или говоря проще, солончака. Который, столь характерен для казахстанских степей. И на который, я столько насмотрелся, что уже ни с чем не перепутаю. Не удивительно, что на ней ничего не растет. Видимо, концентрация солей ставит жирный крест на возможности роста любой растительности.

Вот поэтому то и стала дилемма перед вражеским командиром: или таскать снаряды с уставной дистанции, сквозь колючий кустарник, или приблизить пункт боепитания на расстояние, продиктованное самой природой.

С одной стороны это положительно сказалось на скорострельности, и поскольку скорость перезарядки возросла неимоверно, то орудия грохотали почти непрерывно. Конечно же, несравнимо со стрельбой из автоматической пушки, учитывая вес снаряда, под 40 килограмм и отдельно-гильзовое зарядание. Но явно выше, чем стандартные 4 выстрела в минуту.

Но вот с другой стороны, такая близость к огненным позициям создает угрозу безопасности и, в случае прямого по-

падания, не только БПБ (батареиный пункт боепитания) накроет, но и само существование батареи будет под большим вопросом.

– В общем – "Алес капут"! Или, в переводе на русский язык – "Всеобщий п...ц!"

Кроме всего прочего, в данный момент, шла активная выгрузка боеприпасов с одного из транспортов, в качестве которого, при первом приближении, выступал транспортный вариант Kfz. 70, имевший девичью (гражданскую) фамилию "Крупп L2H143", с колесной формулой (6*4). Еще один, аналогичный. находился поблизости, видимо, только что прибыл и ждал своей очереди под разгрузку. Еще два обретались в стороне, рядом с четырьмя полугусеничными тягачами Sd. Kfz.7. Эти походу уже разгрузили. И тягачи, и грузовые вездеходы стояли как раз по кромке кустарника, обрамлявшего импровизированную поляну, подмяв его под себя, но срезом заднего борта нависавших над чистой поверхностью.

Еще несколько автомобилей различных модификаций, включая и легковые, были разбросаны тут и там, создавая тем самым импровизированные островки, возле которых концентрировались, по роду занятий, остальные солдаты батареи. Непосредственно незанятые в подготовке и проведении стрельб. А также и те, кто не принял активного участия в "заготовках". Причем род их занятий очень хорошо прослеживался именно по используемому автотранспорту. Ко-

торый, по принятой в Вермахте, имел соответствующую аббревиатуру – Sd. Kfz (Sonderkraftfahrzeug), что в дословном переводе означало – "автомобиль специального назначения". И, по нумерации, следовавшей за неизменной аббревиатурой достаточно легко определить его специализацию. А следовательно и ВУС (военно-учетную специальность) солдат, которые возле него ошиваются.

Вот стоит машина, по внешнему виду напоминающий небезызвестный медицинский фургон, на котором легендарный Шурик, сматывался из психиатрической клиники. Тот самый, который еще водитель именовал "пылесосом". К его заднему борту прилеплено механическое устройство из нескольких блоков, отдаленно напоминающих полиспасть, которое служило, скорее всего, для выдвижения телескопической антенны.

– Почему я сказал, скорее всего? Да потому что, в данный момент антенна находится в полностью выдвинутом состоянии. Что еще раз говорит о том, что это явно радиный автомобиль, Kfz. 17/1, Funk-Kraftwagen. Поэтому и солдат, которые суетятся возле него, можно с уверенностью отнести к радистам. Или телефонистам, что принципиального значения не имеет.

Поскольку рядом примостились два детища немецкого автопрома. Причем один из них относился к классу наиболее распространенных в Вермахте легковых автомобилей Kfz.15. Имевших очень широкий спектр специализации.

Этот явно имел отношения к телефонной связи. Причем, если по внешнему виду автомобиля этого сделать было категорически нельзя.

– Поди, вот так, с ходу, определи, что у него внутри напихано?

Но вот его расположение, вблизи радиийной машины, да еще и наличие другого авто, с более чем характерной внешность, по виду Kfz.76, или точнее, автомобиль наблюдения за телефонными линиями.

Немного в стороне, от развернутой по-боевому команды связи, стояла палатка. В которой, видимо, и разместился, походный штаб, ушлого командира батареи. О чем явно говорили расположенные по близости легковушки. Уже известный Kfz.15, с торчащей с заднего сидения штыревой антенной, а также легкий легковой автомобиль-вездеход

Kfz.1, более известный как "КЭbelwagen". Но на самом деле являющийся армейским прототипом гражданского варианта Volkswagen Typ 82. Там же стояла пара мотоциклов, о двух колесах, вместе со своими седоками. Которые, судя по всему, использовались в качестве посыльных.

Ближе к огненным позициям стоял прадедушка отечественного УАЗика, в качестве которого, чаще всего, ошибочно, принимают американский внедорожник Willys MB. Но в действительности это далеко не так. Именно Stoewer R200, появившийся на пять лет раньше американца, и является таковым.

– Да достаточно просто внимательно приглядеться, как это становится очевидным. Даже сейчас внешняя схожесть с ГАЗ-69, более известного как "козлик", прямо таки бросается в глаза.

Данный экземпляр был представлен в модификации Kfz 4, то есть его зенитный вариант. Что и подтверждалось наличием лафета под спаренную зенитную установку, оснащенную двумя пулеметами MG, с характерной блямбой авиационного прицела. За гашетками которых, внимательно бдил за воздушным пространством, один из пассажиров. Второй номер расчета притулился рядом. А вот водителя на штатном месте не наблюдалось.

– Видимо в кусты отошел. По нужде.

Еще один прототип обретался возле тягачей, и, судя по суете возле одного из них, относились к разряду ремлетучек, то есть Kfz.2/10.

Таким образом, после проведения визуальной разведки, расклад становился более очевидным, но от этого не менее безрадостным. Поскольку, наряду с положительными моментами, к которым, безусловно, относилось отсутствие в расположении батареи штатного легкого наблюдательно-го бронетранспортера Sd.Kfz.253. А также недокомплект радиийных машин. Которых, в количестве двух штук, модификации Kfz.2, на базе все того же Stoewer R200, также где-то носило. И судя по интенсивной стрельбе из всех орудий батареи, я, по-моему, догадывался где.

– Ведь эффективная стрельба по невидимым целям, возможна только при условии корректировки огня. А если учитывать, что батарея расположилась прямо у береговой линии, то логично предположить, что наблюдатели, в данный момент, находятся где-то за рекой. И это позитивная новость.

Поскольку в группе управления стрельбой, в которую входят: разведчики, наблюдатели, теодолитчики и радисты-корректировщики, собраны, как правило, самые опытные солдаты. И опытные, в первую очередь, именно в вопросах пехотного боя. Поскольку, при отрыве от основных сил, опасность столкновения с противником многократно возрастает. И уменьшение личного состава на двадцать наиболее подготовленных солдат, безусловно, относится к хорошим новостям.

К негативным факторам можно смело отнести то, что при осмотре вражеской техники я, волей-неволей, рассмотрел и эмблему нанесенную повсеместно. Которая представляла собой фашистскую свастику белого цвета, заключенную в окружность. Вследствие чего, лучи ее были не прямые, а, как бы закрученные к центру. Да и сама свастика располагалась под углом к центру.

– И все бы ничего, но только вот эмблема эта, обозначала принадлежность артиллерийской батареи к 8-й пехотной дивизии Вермахта.

А дивизия эта, соответственно, относилась к соединени-

ям первой волны. В которую входили самые первые, созданные после отмены запрета на собственные вооруженные силы, формирования германской армии. А соответственно и самые опытные, прошедшие горнило боев всех, бушевавших в Европе войн и локальных конфликтов. И личный состав дивизии состоял сплошь из одних ветеранов, вышедших победителями из не одного боя. И имевших колоссальный боевой опыт, не сравнимый с опытом противостоящих им, слабо обученных стрелковых дивизий Красной Армии.

– Волки! Приученные рвать противника как Тузик грелку. И совладать с ними будет ох как нелегко. Даже делая скидку на то, что передо мной артиллеристы. Хотя, если учитывать, что фронт наступления дивизии не очень большой, то и тот взвод, что накрылся медным тазом, вблизи границы, с моей легкой руки, тоже из состава этого соединения. Так что, не так страшен черт, как его малюют. Да и не Боги горшки обжигают. Кому-то ведь надо делать и эту, хоть и неприятную, работу. Тем более что последнее из увиденного мной и стало той соломинкой, которая переломила хребет верблюду моей нерешительности.

А именно, расположившаяся прямо возле меня, буквально на расстоянии вытянутой руки, полевая кухня Feldkochherd Hf.11, или Hf.13.

– Да кто их, в конце концов, разберет. И не надо думать, что я в одночасье стал признанным экспертом по организации и вооружению Вермахта, с готовностью выдающего на

гора, по первому требованию, численный состав подразделений и тактико-технические характеристики техники и вооружения, в совокупности со знанием наносимых эмблем и тактических знаков. Отнюдь! Все, впрочем как и все гениальное, элементарно! Просто я загодя, в ходе подготовки, закачал гигабайты полезной информации в свой наладонник и теперь, по мере необходимости, достаю и использую. Мечта любого командира. Без всякой разведки знать всю подноготную вероятного противника. Вплоть до сексуальных предпочтений их военачальников. Мечта! Сказка! Но я для того и влез в эту авантюру, чтобы сказку сделать былью, понимаешь!

Но вот только кухня заинтересовала меня, отнюдь не с гастрономической точки зрения. Тем более, что я довольно плотно перекусил, еще находясь в бункере, перед самым выходом на поверхность. Поэтому муки голода меня абсолютно не мучили. Дело было совсем в другом. А именно в том, что в качестве тягловой силы использовалось не банальные 1-2 лошадиные силы, и даже не предусмотренный штатом средний грузовой автомобиль, а нечто невообразимое.

– Мечта оккупанта – полугусеничный мотоцикл высокой проходимости – SdKfz 2, известный также как Kettenkrad НК 101. Бли-и-ин! У меня аж слюнки потекли! Если бы были у Володьки усы, то наверняка бы встопорщились, как у мультяшного Рокшфора, при виде сыра. Пройти мимо такого богатства? Нет! На это я пойтить не могу! – вспомнилась кры-

латая фраза, озвученная актером Папановым в "Бриллиантовой руке". – Тем более, что наличие такого девайса одним махом решало возникшую проблему транспортировки трофеев. Да еще, что немаловажно, не очень сильно при этом выделяясь из общей картины транспортных перевозок противника. Накинул прорезиненную плащ-накидку, входящую в обязательное снаряжение мотоциклистов Вермахта, натянул каску, прилепил сверху очки-консервы и в двух шагах от соотечественника хрен отличишь. Правда, это при условии, что если близко не подходить и тем более в разговоры не вступать. Так что надо брать немца за мягкое гузно, да трясти до тех пор, пока душу не вытрясешь. Вместе, разумеется, с разными вкусняшками, в виде различных, но столь необходимых в хозяйстве деревенского жителя, трофеев. Так что, сомнения в сторону и брать! Однозначно! Тем более, что и время поджимает.

Приняв такое, судьбоносное решение, немедленно, не откладывая дела в долгий ящик, приступил к реализации плана, которому тут же присвоил кодовое наименование – "Мацацикл!"

– Почему именно такое? А чтобы никто не догадался!

Первыми кандидатами на путешествие в потусторонний мир стали два солдата, которые занимались заготовкой дров. Причем, не утруждая себя маханием топором, пошли по пути наименьшего сопротивления, сосредоточившись на сборке сухостоя. Который, почему-то, принято именовать "хво-

ростом". Благо, что вокруг его было в избытке. Но, увлекшись процессом, несколько оторвались от коллектива, и теперь уже находились довольно далеко от расположения батареи.

Хлоп!

Обретавшийся позади, стал заваливаться на спину.

Хлоп!

Идущий первым, имевший дополнение к стандартной униформе в виде передника, наоборот, зарылся носом.

Похоже, что это был помощник повара. Поскольку еще один, такой же, увлеченно помешивал бурлящее варево, приличным по размеру, черпаком. Второй, скорее всего, являлся водителем того самого полугусеничного вездехода. Ну, или, просто добровольный помощник, свято соблюдающий основную заповедь солдата – "поближе к кухне, подальше от начальства!"

– Вернее – соблюдавший. Не зря сами немцы говорят: "Отделившуюся овцу волк съедает", а русские еще проще – "Не надо отделяться от коллектива".

Хлоп!

Повар, активно, до этого, махавший поварешкой, с головой ушел в работу.

– Причем буквально!

Нырнул, головой вперед, в собственное кулинарное изделие. Причем, приблизительно, по пояс. Только ноги, обутые в сапоги, с короткими голенищами, остались стоять на при-

ступочке.

– Вот и приварочек для вас неплохой образовался, господа фашисты.

Причем, буквально, на пустом месте. И незачем рыскать по окрестностям в его поиске, разоряя сельские подворья. А, учитывая тот факт, что поварами служили, как правило, справные ребята, то и навар должен получиться отменный. Как раз в духе африканских людоедов – гурманов, которые, в отличие от своих полинезийских коллег, употреблявших соплеменников исключительно в жареном виде, любили поэкспериментировать. Разнообразить, так сказать, меню. И не только котлеты делали, но и супчики варили.

– А вот, как раз, и любители хорошо покушать нарисовались. И судя по тому, что идут они, поминутно оглядываясь, то относятся к классу "халявщик обыкновенный". Слиняли с боевого поста, чтобы втихаря поживиться, чем-нибудь вкусненьким, пока другие воюют. И, если их, до сих пор не хватились, то значит это тыловики. Значит, искать, сразу не кинутся. Да и, идут удобно. Повар от них крышкой закрыт. Но еще немного и заметят, что тот принимает, не предусмотренные уставом, водные процедуры. Значит что? Бьем? Бьем!

Хлоп! Хлоп!

Сначала у заднего, а затем и у впередиидущего, ноженки подкосились и они, почти синхронно завалились на бок. Правда, один на левый, а другой на правый.

– Видимо для симметрии.

А вот еще парочка претяся. Да целенаправленно так.

– Вам здесь что, медом намазано, что ли?

Таким Макаром, скоро здесь весь личный состав батареи соберется.

– Бля..... ха – муха, дурында! На часы то, трудно было посмотреть? Сейчас же время обеда. И этих, скорее всего, командир послал. Узнать, скоро ли делать перерыв. Для приема пищи. Война, то, она конечно, войной, но обед должен быть по распорядку. И, для привыкших к порядку немцев, это такое же незыблемое правило, как и все остальные требования устава. Поэтому и чешут так целеустремленно, поскольку приказ исполняют. А это уже на уровне подсознания вбито. В самую подкорку головного мозга, что "приказ начальника – закон для подчиненного!" И, как говорится, прочь все сомнения. Поэтому и творили на оккупированных территориях все что хотели. Потому что имели оправдание перед собственной совестью. Выполнение приказа! И все! Точка!

Вот и эти, скорее сдохнут, чем хоть на йоту отойдут от полученного задания.

– Ну что же, я особо то и не против первого варианта.

Хлоп! Хлоп!

Кого-то бьют конвульсии.

Хлоп! Хлоп!

Затих, слава богу! А то мог весь лагерь переполошить.

– Нет! Надо что-то срочно придумывать. А то в следующий раз взводом припрутся. Вот тогда-то и закончится ти-

шина.

Втихую, сразу десяток, уделать, не получится. Да и отстреливать по одиночке – не самый лучший вариант. Провозиться можно до самого "морковкиного заговенья". Поэтому, надо что-то срочно менять в планах, и менять кардинально. У меня уже сложилось стойкое убеждение, что история о сибирском охотнике, в одиночку перестрелявшем всю батарею, не более чем авторский вымысел. Разве что, батарея, попавшая ему на пути, была кадрированной. По типу кадрированной пасеки, когда мед есть, а пчел нету. Но, к сожалению, изменить что-либо, уже нельзя. Как у той собаки, что попала хвостом в спицы колеса: пищи, но беги. Разве что, остается вариант, большого БУМа. Даже больше того – бара-Бу-ма. Против которого прозакладывался, дотошный командир батареи, понадеявшись на русский авось. Но это он, конечно же, зря сделал.

– Русский Авось, бог случая и удачи в славянской мифологии, он на то и русский, что благоволит только соотечественникам. Лучше бы уж ставил на свою Фортуну. Которая сейчас, откровенно, повернулась к нему задом. Ну а мы поможем, чем сможем.

Пф-ф!

Гранатометный выстрел, с фугасной головной частью, по довольно высокой траектории, стартанул в сторону ящиков со снарядами. А я, наоборот, на дно оврага, от греха подальше. И только спустя мгновение понял, насколько правильно

сделал.

Хренак!!!!

Впечатление было такое, что мне даже показалось, будто само небо рухнуло на меня всей своей тяжестью. И тот самый атмосферный столб, который давит на каждого человека, с силой 400 килограмм на квадратный сантиметр, просто-напросто вдавит меня в землю по самое, не хочу. Правда, это ощущение длилось всего несколько мгновений. Но если, даже я, испытал такие "очучения", то представляю каково тем, кто находился поблизости.

Тем не менее, соблюдая осторожность, еще раз лег на уже ставшее привычным, место. Приподнял, мешавшие обзору, нижние ветки колючего кустарника и выглянул наружу. Увиденное, надо прямо сказать, впечатляла. Буйно зеленевшая растительностью местность, изменилась до неузнаваемости. Теперь она больше напоминала изъеденный воронками ландшафт лунной поверхности. Причем именно темной ее стороны, поскольку выгорело все капитально. И эта выгоревшая проплешина на фоне оставшейся зелени выглядела удручающе, если не сказать угнетающе.

– Ну а что вы хотели? Если в результате детонации такого количества боеприпасов выделяется количество энергии, которая, согласно закона своего сохранения, просто вынуждена превращаться в свои модификации. В том числе и в тепловую. Поэтому и выжгло все не хуже огнемета.

Это если не считать, что помимо разлетающихся хаотич-

но, в разные стороны, по непредсказуемым траекториям, осколков, основным поражающим фактором, является, все-таки, ударная волна. Вес основного осколочно-фугасного снаряда составлял 43,5 килограмма, из которых добрая треть приходилась на вес ВВ. Грузоподъемность одного грузовика "Крупп L2Н143" составляет 3,5 тонны. Путем несложных математических вычислений получаем, что возимый боезапас, на одно орудие составляет 80 выстрелов на одно орудие. Соответственно, 320 штук на батарею, что составляет почти 14 тонн снарядов, или приблизительно 5 ТОНН взрывчатки. Единственно, судя по интенсивности стрельбы, некоторую часть боекомплекта фрицы уже расстреляли. Сколько не известно, но и оставшегося, должно было хватить по за глаза.

– И ведь хватило! Что характерно.

Ясно понятно, что при взрыве такого количестве взрывчатки, ударная волна будет, мягко сказать, очень не слабая. И возникающая при этом разница в давлении просто чудовищна. Сминающая все и вся, на своем пути.

При этом мне вспомнил объяснение одного старого шахтера, всю жизнь проработавшего проходчиком-взрывником, а под старость лет заведовавшего складом промышленной взрывчатки. Причем объемы ее использования на горно-обогатительном предприятии были таковы, что привозилась она вагонами. И на вопрос новичка, зачем железнодорожные тупики, в которых отстаивались вагоны перед разгрузкой, окружены земляными валами, то есть, обвалованы, просто

ответил. Что взрывная волна никогда не ищет сложных путей, а распространяется по пути наименьшего сопротивления. Поэтому, если суждено вагону взорваться, то благодаря валам она просто уйдет в небо. "А если валов не будет?" – наивно спросил новичок. "Тогда и города не будет!" – с грустью пояснил старый взрывник, имея в виду шахтерский городок, располагавшийся в пяти километрах от склада.

Примерно такая картина и открылась моему взору.

Расположение батареи, практически, перестало существовать. Стоявшие под разгрузкой грузовики с боеприпасами просто-напросто испарились. Расположенные в линию орудия раскидало по окрестностям как кегли в боулинге, после удачного попадания шара. Парочку, даже не смотря на солидную, в 5,5 тонн, массу, опрокинуло. Номеров орудийных расчетов поблизости не прослеживалось. Во всяком случае, живых. Из чего можно было сделать вывод, что, как минимум сорок человек можно было смело списывать со счетов. А если учитывать, что остальные члены орудийной команды должны были крутиться неподалеку, то и все шестьдесят. Плюс двадцать из команды боеприпасов, которые, по логике вещей, должны были первыми кинуться торить дорогу к воротам святого Петра, чтобы остальные их однополчане, по пути не заблудились.

Стоявшие, несколько в стороне, тягачи в купе с присоседившимися грузовиком и ремлетучкой, превратились в груду искореженного металлолома. Командирская палатка ис-

чезла, то ли сорванная ударной волной, то ли сторе́ла в пламени взрыва. Вокруг того места, где она стояла, валялись, хаотично разбросанные, обгоревшие останки автомобилей. Но, как это не странно, зенитная установка стояла практически не поврежденной. Единственно, что без дополнительных украшений, в виде своих пассажиров.

– Куда они могли подеваться? Ума не приложу. А впрочем, какая к чертям разница. Надо, в первую очередь, выявить выживших. А вот, кстати, и они.

Человек пять улепетывало в сторону деревни. Еще тройка уцелевших гансов, трусила аккуратно в мою сторону. Причем, целенаправленными их действия можно было назвать только с большой натяжкой. Даже отсюда было хорошо различимы раззявленные в беззвучном крике рты, распахнутые, по пять копеек, выпученные от ужаса глаза, вихляющие, в разные стороны, конечности.

– Натерпелись, бедненькие, – лицемерно посочувствовал я, – ну идите к папочке, папочка вас пожалует.

Хлоп!

Задний, из бегущих упал.

– Одного вылечили, – прокомментировал я удачное попадание.

Хлоп!

Второй запрокинулся навзничь.

– Отмучился бедолага, – констатировал я факт.

Первому, из бегущих, судьба товарищей была глубоко по

барабану. Слишком уж он был озабочен собственной судьбой. Животный инстинкт самосохранения уводил его как можно дальше от опасного места. Правда, к его неудаче, вел он его прямо к оврагу, в котором я затихарился. И, судя по траектории движения, через несколько секунд он свалится прямо мне на голову.

– Бля! Так и есть. Чуть, сука, на башку мне не наступил, – выругался я, – но повезло тебе, кучерявый, немного промахнулся. А потому, живи, разрешаю.

И с этими словами приглубил немца по лысой голове, лежавшей рядом по случаю, сучковатой палкой. Тот упал, обливаясь кровью, видимо все-таки одним из сучков поранил ему кожу головы.

– А не хрен без головного убора по жаре бегать, – попенял я ему за потерю штатного имущества, – а то солнышко голову напечет. Отдыхай пока!

И сноровисто стянул конечности, припасенными, как раз для такого случая, пластиковыми стяжками для подвязки проводов. Которыми, перед самым выходом, набил полный карман. На всякий пожарный. Как видно, пригодились.

– Вообще-то, вещь эта многофункциональная. Очень удобная в хозяйстве и, что характерно, много места не занимает, да и весит всего ничего.

Можно, как в данном случае, в качестве наручников использовать. А доведется, в качестве кровоостанавливающего жгута сойдет. Или шашку толуюю к чему-нибудь прифига-

чить. Да мало ли еще?

Немца решил попридержать для душевного разговора, на досуге.

– Вдруг да чего интересного расскажет. Мало ли что. Чем черт не шутит, когда ангелы отдыхают? Хотя это вряд ли. Оперативная обстановка данного участка фронта, на много дней вперед, забита в памяти компьютера. Так же как и весь расклад по основным используемым силам и средствам.

А что может знать простой солдат? Даже, если он какой-нибудь ваффенмейстергехильфе – гефрайтер! Вот то-то и оно.

– Но, то, что касается воинского звания, это чистая правда. Потому что, в ходе подготовки, я довольно таки подробно осветил этот вопрос. И ужаснулся. Настолько все это неприлично звучит для русского уха.

И если в портяночной пехоте, хотя откуда в просвещенной Европе знают, что в плане гигиены портянки гораздо предпочтительней носков. Так вот, в немецкой инфантерии Вермахта, звания еще туда сюда. Даже чем-то, отдаленно напоминают звания принятые в армии царской России. В SS похуже, но тут главное привыкнуть к месту и не к месту фюрера упоминать. Чтоб ему на том свете раскаленные сковородки лизать. Но вот что творилось со званиями во вспомогательных частях. Это что-то с чем-то.

– Без слез не взглянешь и без поллитра не разберешься. А после поллитры и не выговоришь.

Вот взять того же, вышеназванного ваффенмейстергехильфе – гефрайтера. По отдельности, вроде все понятно: ваффен – оружие, мейстер – мастер, гехильфе – помощник, соответственно гефрайтер – обозначает принадлежность к артиллерийскому роду войск. Соответственно – помощник артиллерийского оружейного мастера. Но вот все вместе, да без пропусков, так и язык сломать можно.

– Сами попробуйте, без продыху, выговорить – ваффенмейстергехильфегефрайтер! Только водителей на трезвость проверять.

И такая петрушка повсеместно: что в артиллерии, что в саперах, что в кавалерии. Как только сами не путались.

– А ведь, если учитывать, какое значение в Вермахте придавалось официозу в общении, то и времени это отнимало немеренно. Не то, что в более поздние времена, в славных рядах Советской Армии: "Товарищ генерал! К тебе жена пришел!"

Но, что-то меня не в ту сторону стало уводить, а время, между тем, утекает как песок сквозь пальцы. А ведь бумкнуло-то, довольно неслабо. Гораздо сильнее, чем воздушный шарик, под Пятачком. И мало вероятно, что на такой грохот не подтянется народец, из числа наиболее любопытных. И не факт, что они не сбегутся в таком количестве, что станет непосильной ношей для моих хилых плеч. Даже не смотря на все мои технические преимущества.

– Второй раз фокус, со взрывом, наверняка больше не

прокатит. Да и взрываться то, особенно больше нечему. Поэтому ноги в руки и вперед.

Настегав себя подобным образом, я подорвался с насыщенного, вернее належанного места, и порысил в сторону батареи. При этом внимательно глядя по сторонам и особенно под ноги, чтобы ненароком не наступить на чью-нибудь тушку. Или, не дай Бог, на неразорвавшийся снаряд. Они, в особенности после такого потрясения, вещи жутко не стабильные.

– Кто его знает, какой малости ему не хватило для детонации?

Рассуждая подобным образом, и, при этом, не прекращая движения, закинул автомат за спину, а из набедренных кобур, достал оружие, более пригодное для боя на короткой дистанции. А именно, австрийский автоматический пистолет Глок 18, в количестве двух экземпляров. Оба снабжены глушителями и магазинами повышенной ёмкости, на 33 девяти миллиметровых патрона, системы Парабеллум. Да еще, к тому же, и дополнительно оборудованные лазерными целеуказателями. Отличительной особенностью данной модели являлось наличие переводчика режима стрельбы, что позволяет вести огонь, как одиночными выстрелами, так и очередями. Причем, учитывая сравнительно небольшой вес, который составляет всего 620 грамм, без патронов. И очень высокий темп стрельбы, достигающий 1200 выстрелов в минуту, что позволяет опустошить магазин за 1,5 секунды, то ма-

ло что может сравниться с ним, в бою, на короткой дистанции. А, тем более, стоящий на вооружении Германской армии MP-38/40, с его 400 выс/мин и 5 кг. веса.

– Пока противник его поднимет, то уже будет нашпигован пулями, как фаршированная утка черносливом. Да и откуда взяться им в артиллерийской части. То, что немецкие солдаты были сплошь и рядом вооружены автоматическим оружием, это не более чем миф. На всю батарею, от силы, штук пять наберется. Да пара пулеметов. Поскольку основное оружие артиллериста – пушка, а в качестве личного, максимум карабин Karabiner 98 kurz, сокращенно Kar 98kr, на базе основной винтовки Mauser Gewehr 98.

Поставил переводчик режима одного пистолета на автоматический огонь и взял его в левую руку. Для подстраховки. Другой, с переводчиком в режиме одиночной стрельбы, соответственно в правую. И, перемещаясь, от укрытия к укрытию, приступил к осмотру и поиску недобитков.

Обход вражеской позиции я начал по спирали, сначала обходя по большому кругу, постепенно смещаясь к центру. И, в самом начале, такая тактика, принесла свои плоды. В первую очередь проверил кухню, включая обслуживающий персонал и посетителей. Никому из них правка не требовалась.

Зато дальше, когда я, обогнув кухню, с доваривающимся, на медленном огне, поваром, приблизился к стоящему поодаль грузовику, который, наверняка относился к тыловому обеспечению, а потому незначительно пострадавшему, то

услышал стон. Стон доносился из кузова.

Я приблизился и осторожно заглянул в кузов. Глазам моим открылась чудная картина. Два немца лежали в обнимку, что наводило подозрение о не традиционности их сексуальной ориентации. Причем оба были плотно замотаны в различное тряпье, которым, в избытке, было усыпано дно грузовика. Здесь же валялись и сапоги, и шинели и элементы снаряжения, среди которого я без труда опознал котелки, всевозможные чехлы, фляжки, противогазы, ремни и др. Вещевое имущество, видимо и спасло бедолаг от фатальных повреждений, послужив своеобразным буфером от ударной волны, но, к их несчастью, не надолго.

Пук! Пук!

Звук выстрела из пистолета, оснащенного прибором для бесшумной и беспламенной стрельбы (ПББС), а в просторечии глушителем, некоторым образом отличался от автомата. Если у того он напоминал негромкий хлопок в ладоши, то здесь навевал мало аппетитные ассоциации с выпускаемыми, через прямую кишку газами. Но результат, от этого, не становился менее летальным.

Поэтому, убедившись, что несостоявшиеся "любовнички", почили в бозе, двинул дальше. Конечно, можно было бы покопаться в этой куче, на предмет поиска полезных вещей, но, к сожалению, времени не было.

Дальнейший мой путь лежал к огневым позициям, но уже на подходе стало понятно, что здесь моей помощи не требу-

ется. Валяющиеся тут и там тела, отдаленно напоминали набитые соломой манекены, у которых, под различными углами, торчали изломанные конечности. У некоторых они отсутствовали по определению. У других держались на честном слове. Но и в первом и во втором случае, сомнений в летальном исходе не было. Что, в принципе, нисколько не мешало мне перестраховываться и разряжать правый пистолет, настроенный на одиночную стрельбу, по лежащим телам.

– Насколько, все же, великолепная вещь – лазерный целеуказатель, – сделал я вывод, стреляя в очередной труп. – Не надо тратить время на прицеливание, просто навел маркер на цель, нажал на спусковой крючок. Выстрел. И все. Финиш ля комедия. Понеслась душа в рай! Хотя, по поводу места назначения, можно и поспорить. Как там говорится? Аз воздам по делам твоим! Вот-вот, в самую точку!

Так я и шел, лавируя между трупами, при этом не забывая освобождать тушки от документов и всего, что на мой взгляд могло представить хоть какой-то интерес. Знаки, нашивки, погоны, кокарды, пряжки и другую мелочь.

Вдобавок, меня еще потянуло на философствование. Я думал о том, насколько за последнее столетие, человечество поднаторело, в убийстве себе подобных. Сколько изобрело технических приспособлений, чтобы процесс этот стал как можно более эффективным и менее трудозатратным. Хотя, по большому счету, хрупкому человеческому организму, для полной потери жизнеспособности, много то и не надо. Чему

ярким подтверждением являлись, лежащие тут и там тела, находившиеся в различной степени изломанности.

Особенно неприятно поразил один труп, одного взгляда на который было достаточно, чтобы меня чуть не вывернуло наизнанку. Больше всего он напоминал желеобразный студень, из которого, после длительной варки, удалили все кости. Или просто, перемололи их в труху. И данная, неприглядная, картина, невольно напомнила мне уже однажды виденное.

Давно, еще в пору курсантской юности, какому-то мудаку, отвечающему за организацию праздничного мероприятия, посвященного Дню училища, пришла в голову "светлая" идея. Ему уже было недостаточно, ставших привычными номеров, включавших: крушение кирпичей голыми руками, разбитие различной стеклотары дубовыми головами, и другие элементы рукопашного боя. Для большей зрелищности театрализованного представления он решил применить ноу-хау, вспомнив о том, что часть курсантов готовилось по программе подготовки воздушно-десантных войск. И пригласил окружную сборную по парашютному спорту выступить на празднике. А для большего эффекта, в качестве площадки для приземления, выбрал училищный плац.

Но, как человек, очень далекий от такого рода деятельности, он не учел ряд, очень немаловажных деталей. Удар по ногам, в момент приземления с парашютом, сопоставим с ударом при прыжке с высоты 3-5 метров. И, при неправиль-

ной группировке, перелом ног гарантирован. Но, одно дело прыгать на пашню, и совсем другое, на асфальт плаца.

– Как говорится, почувствуй разницу!

А во-вторых, нагретый жарким летним солнцем воздух над, дышащем жаркой поверхностью, плацем, окруженного по периметру, казарменными строениями, коварен переплетением восходяще-нисходящих потоков. Одного из участников, которому осталось метров пять до земли, вдруг, на наших глазах, неожиданно, подкинуло метров на 10-15 вверх. Парашют сложился, то есть сдулся, вытянувшись как презерватив. И парашютист, больше не удерживаемый в воздухе, камнем рухнул вниз.

Он упал метрах в пяти, от того места, где стояли мы с товарищами. Звук падения напоминал смачный шлепок куска сырого мяса по столешнице. Такой же влажно-чавкающий. Когда тело перекладывали на носилки, он напоминало желе.

Потом только мы узнали, что парашютист выжил. Им оказалась девчонка 25-лет, не смотря на молодость, уже заслуженный мастер парашютного спорта. Выжить то она выжила, но сломала себе все, что только было можно. Включая позвоночник и тазобедренные кости. И на всю жизнь осталась калекой. Девчонку было очень жалко.

– А вот эту падаль, нисколечко!

Пройдя по разрушенным ударной волной огневые позиции и, не узрев ничего что могло бы вызвать интерес, я, уже было собрался прогуляться до места стоянки тягачей,

но передумал. Даже отсюда были хорошо различимы ошметки плоти висящие на выступающих частях обгоревшей техники. А также заляпанные кровью борта. Поэтому, решив, что ничего интересного для себя там не обнаружу, двинулся в центр позиции. Туда, где раньше располагалась командирская палатка.

Мой путь пролегал мимо позиции зенитной установки, которая избежала последствий взрыва, поскольку располагалась в своеобразной ложбине. Поэтому взрывная волна, прошедшая по верху, не причинила ей особого вреда. Поэтому я не смог отказать себе в удовольствии, рассмотреть ее поближе.

На заднем сидении лежал навзничь первый номер расчета, второй валялся у него в ногах. На первый взгляд помощь в путешествии в потусторонний мир им уже не требовалась. Но я решил все же перестраховаться.

Пук! Пук!

– Вот теперь точно отчалили, – резюмировал я, – отплыли на лодке Харона. Как говорится, в аналогичных случаях, семь футов под килем!

И только я уже было собрался поближе ознакомиться с вождленным трофеем, как, краем глаза, на самой периферии зрения, заметил движения. Сфокусировал взгляд и только тогда рассмотрел, что со стороны деревни движется спасательный отряд. Состоявший, в большинстве своем, из "заготовителей", да присоединившихся к ним беглецов. Которые,

сверкали пятками, аккурат в том направлении.

Видимо, среди этой сборной солянки, нашелся таки здравомыслящий и авторитетный командир. Скорее всего, из унтер-офицеров, или, на крайний случай, старослужащих солдат. Сумевший организовать, по быстрому, некое подобие бригады "центроспаса". Да еще, в добавок, в значительной степени технически экипированную. В смысле, оснащенную техникой.

Впереди, на всех газах, пылил мотоцикл с коляской, все посадочные места которого были забиты под завязку. Следом, подпрыгивал на ухабах, легкий грузовичек, тонны на 1,5, грузоподъемностью, в кузове которого, синхронно с ним, подпрыгивало штук восемь гитлеровцев. Замыкали спасательную колонну две подводы, видимо реквизированные у местного населения для эвакуации раненых. В каждой сидело по два человека. Судя по скорости движения колонны, ребята были серьезно настроены на эффективную спасательную операцию.

Но вот только небольшая неувязочка образовалась. Спасать-то, по большому счету, уже и некого. Да и меня, преждевременно, со счетов скидывать не след.

– Хотя, вступать во встречный бой, с двумя десятками вооруженных фрицев? Для этого надо быть очень самонадеянным. А я, за собой, такого недостатка не замечал. Просто надо, с должной степенью эффективности, воспользоваться имеющимися у противника недостатками и, соответственно,

своими преимуществами.

А они, как говорится, имели место. Во-первых, опытность и авторитетность их командира. Которая, в данном случае, должна сыграть с ними злую шутку. Поскольку опытный артиллерист, в качестве причины взрыва может предположить или случайный снаряд противника, или самоподрыв, из-за бракованного боеприпаса. Могло быть и такое. Авторитетность же, предполагает наличие, в определенной степени, самонадеянности. Чем, в частности, в первоначальный период войны, грешили многие фашисты. Поэтому он может думать все что угодно, но вот предположить наличие вражеского диверсанта, посреди разгромленного расположения батареи – это вряд ли. Что в частности и подтверждается их действиями. Судя по их виду, они едут спасать, но отнюдь не сражаться.

А во-вторых, на коляске мотоцикла не видно пулемета. Да и откуда бы ему взяться, если по штату на батарею их приходится только две штуки. И оба они, не там, а здесь. Смонтированные на лафете, для зенитной стрельбы. Но это не отменяет возможность их использования по наземным целям. Что я сейчас и собираюсь продемонстрировать.

Мигом, очутившись на заднем сиденье, проверил исправность оружия и его готовность к стрельбе. Взялся за гашетки и повернул спаренную установку в сторону противника.

– Бли-и-ин! – невольно вырвалось у меня. – Какой же прицел неудобный. Может, конечно, для стрельбы по воздуш-

ным целям эта, с позволения сказать, блямба и оптимальный вариант, но вот, что касается наземной стрельбы – не факт.

Единственно успокаивает, что если пулеметы подготовлены для стрельбы по самолетам, то и боезапас должен быть соответствующий. В смысле, с наличием трассирующих патронов. Проверим. Так и есть. Стандартное снаряжение, три простых, один трассер. Тогда, на цель, можно наводить и по ним. На дальности 250 метров, это не существенно.

– Ну что, – дал я сам себе отмашку, – от винта! И нажал на спуск.

Первым делом причесал кузов, резонно предположив, что на ходу из кабины, да и с мотоцикла быстро не выберешься. А вот из открытого кузова сигануть – запросто. Затем по кабине. Потом по мотоциклу. И еще раз: кузов – кабина – мотоцикл. И еще раз. И еще.

Последними расстрелял подводы. Но, так как прицел был не точен, то больше всего досталось бедным лошадкам. Но и возникшим прилетело не слабо. Достал автомат. Еще раз обозрел место происшествия. Пару раз выстрелил. Туда, где мне померещилось шевеление.

– Ну вот и все, – оценил я устроенное мною побоище. – Баста, карапузики – кончились танцы!

Кинул взгляд на часы и заторопился. Пробежался до колонны, добил контрольными, тех, кто еще шевелился. Прошмонал по-быстрому. Дотащил до полумотоцикла-полутрактора. Загрузил все. Добавил свинченную пулеметную уста-

новку – очень уж она мне понравилась. Кинул сверху пару автоматов – все что нашел. Десяток пистолетов, в основном Р-38, но попалась и парочка Люггеров. Прижал все тушкой пленного немца, чтобы не рассыпалось все по дороге. Рассчитал маршрут, причем таким образом, чтобы он шел поверху оврага.

– Не хватало только по своим следам вывести поисковую группу к главной тайне столетия.

И пополз, поскольку ездой это действие, можно было назвать только с большой натяжкой. Пополз целенаправленно – в сторону портала.

Москва, Кремль, 23 июня 1941 года, 2 час 15 минут, ночь.

– Ну что, Лаврентий, ты что-нибудь выяснил, по известному тебе вопросу? – взгляд Сталина буквально пронзал собеседника насквозь.

Стоявший по стойке смирно, народный комиссар внутренних дел советского государства имел вид, далекий от совершенства. Скорее всего, он пытался примерить на себя, известное изречение Петра I, касаемое идеального образа подчиненного, который "должен иметь вид: лихой и придурковатый", но у него это плохо получалось. Собравшись с духом, он ответил:

– Товарищ, Сталин, как я уже Вам докладывал, для ответа на поставленный вами вопрос, дабы прояснить личность "Игрока", мною сформирована специальная группа. Костяк

группы составляют бойцы "осназа" НКВД, для решения вопроса по силовому варианту, дабы возникнет такая необходимость. Кроме этого, в состав группы включен сотрудник, который хорошо ориентируется на местности, где предстояло работать. Он же единственный, кому известны тайные ходы, ведущие из церкви к секретному пункту управления УР. Для оперативной связи придан связист с радиостанцией. Вчера вечером, от своего агента, я получил доклад, что группа прибыла на место и приступила к операции. Но... – всесильный нарком замолк, боясь предугадать реакцию Хозяина на дальнейшую информацию.

Но Сталин не оставил ему выхода.

– Ну и! – в его голосе явно слышались металлические нотки, – Говори! Что ты мнешься как гимназистка?

И Берия, с обреченностью приговоренного, продолжил:

– Два часа назад агент вновь вышел на связь. По его докладу, когда до объекта оставалась не более 100 метров, церковь, вдруг, неожиданно взорвалась и рухнула.

– Действительно неожиданно, – после недолгой паузы сказал Сталин. – Что думаешь?

– Я считаю, – голос Берии окреп, – что, таким образом, фигурант обезопасил себя от нашего внимания.

– Значит все? – Сталин был раздражен. – Концы в воду?

– По словам агента, – продолжал нарком, – для разбора завалов требуется не менее недели. И это при условии привлечения инженерно-саперного батальона, вместе с техникой.

– Возможность есть? – Сталин перестал мерить шагами кабинет и остановился.

– С саперами проблем бы не возникло, – честно ответил Берия, – но вот времени у нас столько нет. По данным разведки, через неделю там могут быть немецкие войска. И если мы не закончим, то они, заинтересовавшись нашими раскопками, могут продолжить. Последствия могут быть чреватými.

– Понятно, – опять зашагал Сталин. – Твои предложения?

– Я думаю, что нам не стоит идти по этому пути, – по внешнему виду было ясно, что Берия готов отстаивать свое мнение.

– Почему? – голос Сталина был начисто лишен эмоций.

– Само поведение фигуранта говорит само за себя. – Начал объяснять нарком. – Он, как бы дает нам понять, что способен контролировать ситуацию, но также и то, что предложенный нами сценарий контакта его категорически не устраивает. При этом дает понять, что он не настроен агрессивно по отношению к нам.

– Откуда такие выводы?

– Иначе бы он взорвал здание в тот момент, когда наши люди вошли бы в церковь.

– Логично, – Сталин кивнул, соглашаясь, – ну и?

– Еще он дает понять, что готов сотрудничать, но только на своих условиях.

– С чего ты это взял?

– Я прошу прощения, товарищ Сталин, – Берия явно хотел произвести впечатление, – но я взял на себя смелость и дал команду психоаналитикам составить психологический портрет личности Игрока.

– К каким выводам они пришли? – голос Сталина выдал заинтересованность.

– Главное, это то, что Игрок, владеющий, судя по всему информацией о предстоящих событиях, и являясь увлекающееся натурой, не сможет усидеть в стороне, когда эти события начнут происходить. Аналитики решили, что он, тем или иным способом себя должен проявить, – в голосе Берии слышалась некоторая театральность. – Поэтому я сразу дал ориентировку по всем подчиненным мне частям, а также начальникам особых отделов. И уже есть результат.

– Какой? – спросил Сталин.

– Вот рапорт командира одной пограничной заставы, под Гродно, – Берия, жестом фокусника он протянул бумагу.

Сталин взял бумагу, бегло пробежался глазами по тексту.

– Ты думаешь, что это он?

– Уверен! – Берия достал еще один документ. – Вот показания старшего наряда, сержанта Нечитайло. Здесь описание фигуранта, стенограмма разговоров, характеристика поведения. Все выходит за рамки общепринятого.

Сталин ознакомился с очередным текстом.

– План "Ост", – он задумался, – еще один, неизвестный нам план, Лаврентий!

– Я тоже обратил внимание.

– Еще один план, а у нас и по первому плану, который упоминал Игрок, по "Барбароссе", нет никакой информации.

– Я нацелил нашу агентуру, – подсуетился Берия, – но время....

– Да, времени у нас нет, – констатировал Сталин. – Поэтому, Лаврентий, нам нужна информация от Игрока. У него она точно есть. Сделай все возможное, чтобы он с нами поделился.

– Постараюсь, – Берия незаметно улыбнулся. Получилось, в очередной раз доказать свою незаменимость. – Но есть один нюанс.

– Какой?

– По показаниям пограничников, встреча с фигурантом состоялась около часа ночи, под Гродно, расстались они около шести часов утра. А в шесть вечера, он уже взрывает церковь под Псковом.

– Как такое может быть? – Сталин не скрывал удивления.

– Пока не могу объяснить, – в голосе Берии проскользнула растерянность.

– Разберись! – Сталин махнул рукой, как отрезал. – Делай что хочешь, но реши вопрос. И в первую очередь – добудь информацию по планам. Сам понимаешь, сейчас это остро необходимо.

– Все сделаю! – заверил Сталина нарком. – Разрешите идти?

– Иди.

До портала я добирался около часа, и дело было далеко не в расстоянии, шесть километров, чего тут идти то. От силы час быстрым шагом. Это если пешком, но я то уже был на колесах.

– Или все-таки, на гусеницах? – задумался я. – Вопрос конечно интересный. Но все ж таки не столь существенный, поскольку не очень насущный.

Самое главное, что не пешком. Как говорится: "Лучше плохо ехать, чем хорошо идти!" Хотя с данным изречением я готов и поспорить.

– Бывали, знаете ли, случаи в жизни, и, что характерно, оставили в памяти не самые приятные воспоминания.

Ну ладно еще, когда в пору, не совсем зрелой юности, взбрело в голову прокатиться на танцы, в соседнюю деревню. А транспортное средство было на всех одно – мотоцикл ИЖ-56, без коляски. И если то, что мы благополучно доехали до места назначения, особого удивления не вызывало. Известно ведь, что дуракам, везет. Но вот как мы вшестером умудрились на этот двухколесный драндулет, взгромоздиться и не попадать по дороге, то это только Бахуса благодарить надо было.

– Что интересно, потом, на трезвую голову, такой фокус нам, при всем желании, повторить не удалось.

Второй подобный случай произошел в более старшем воз-

расте. Когда я уже мог сам управляться с мотоциклом и отец, светлая ему память, разрешал брать его "Урал", не только для хозяйственных дел, но и для личных.

– Девчонок там покатать, то се.

Так вот, этих девчонок, я умудрился усадить аж двенадцать штук. И тоже, все обошлось, слава Богу, благополучно. И опять все были не очень трезвые.

– Да что там приукрашивать. Не очень трезвые. Пьяные все были в дымину. Я, как водитель, самый нормальный. Наверно потому то и запомнилось.

Да и воспринималось все это как невинные детские шалости.

– Но вот последний случай приятным точно назвать нельзя. Даже с большой натяжкой.

Было это уже в училище. После окончания пятидневного полевого выхода, в течение которого перемежались тактические занятия с боевой стрельбой, инженерная подготовка с защитой от оружия массового поражения, многокилометровые марш-броски с бессонными ночами, донельзя насыщенными тревогами. Когда оставалось только доползти-добрести до родного училища, которое располагалось в пятнадцати километрах от места последней ночевки. Когда все, как послание свыше, лицезрели, одиночный БМП-2, присланный командиром роты нам в помощь. Как воспарили наши души в благодарности к небесам. И как жестко приземлил нас на землю командир взвода одной фразой: "На броне, кро-

ме меня, никто не поедет".

И представьте, учебную группу, по численности равную мотострелковому взводу. Тридцать здоровых лбов, в полной экипировке, трамбуются в машину, предназначенную для перевозки всего-навсего отделения. Влезть мы тогда, конечно влезли, но вот выбраться самостоятельно, уже нет. Потому и вытаскивали нас, как селедку из бочки, утрамбованную по самое не могу.

Вот тогда-то, наверное, и началось формирование моего, философского характера, краеугольным камнем которого стало жизненное кредо, основанное на известном постулате: "Бойся своих желаний – они имеют свойство сбываться?"

А как иначе можно объяснить, что, увлекшись жанром альтернативной истории, много раз ставя себя на место главных героев, сам оказался в аналогичной ситуации. И, самое характерное, мне это нравится.

Еду себе тихонечко, на трофейной технике, более подходящей под определение музейной редкости. По белорусскому лесу, а если точнее, Полесью. Шукаю девчонку Олесю. Вернее, приключений на свои нижние полушария головного мозга. Сзади связанный фриц чего-то мычит. Красота! Полный сюрреализм.

– А по чему, спросите, тихонечко? Да потому что хрен ты больше разгонишься, на этом антиквариате.

Однозначно, что с технически заявленной скоростью по пересеченной местности в 40-45 километров в час, он и ря-

дом не стоял. От силы километров двадцать, да и то под горку.

– Пешком обогнать можно. Но, правда, тяговое усилие у него не отнять. Что да, то да! Видать и впрямь, его можно было использовать для буксировки противотанкового орудия. Для 440 килограмм 3,7 см PaK 35/36, в самый раз. Но тяжеловат. Массой в полторы тонны. Почти как мой внедорожник. И ползет как беременная черепаха.

Вдобавок, дернул меня черт ехать по верху, и несчастные шесть километров превратились во все тридцать. Если дно оврага более-менее ровное и не особо извилистое. То о его склонах этого сказать нельзя, категорически. То тут, то там различные ответвления, сплошь заросшие колючим кустарником. Поэтому напрямик никак не проехать. Только в обход. И, вдобавок приходилось петлять, как зайцу, чтобы сбить со следа доморощенных следопытов.

Почва в Белоруссии, почитай сплошная супесь, пополам с черноземом. Иногда, правда суглинок попадает. А вблизи водоемов – сплошной песок. Поэтому, даже просто пройти, не оставив за собой следов, практически невозможно. А уж проехать, так и вовсе нетривиальная задача.

– О транспорте на воздушной подушке, в это время, остается только мечтать. И, хотя, ягдкоманды, состоящие сплошь из егерей и бывших охотников, пока еще, хвала господу, не сформированы, но вот только не заметить колею, оставленную гусеничным драндулетом, не сможет только слепой.

Что характерно, и выхода ведь другого не было. Кроме как избрать именно такой маршрут. Во-первых, помня об известной солдатской мудрости, что любой извилистый путь, короче прямой, проходящей мимо начальника. Пускай это обернется потерей драгоценного времени, зато уберезет от возможных неприятностей. А во-вторых, предоставлялась великолепная возможность собрать брошенные в лесу трофеи. Чем я не преминул воспользоваться. И, таким образом, стал на несколько стволов богаче.

Но все хорошее, или плохое, слава богу, рано или поздно заканчивается.

– Нет в мире неизменных вещей, свойств и отношений, – это я еще из курса марксистско-ленинской философии, хорошо помню.

Вот и мой земной путь закономерно завершился.

– Я имел в виду, путь непосредственно по земной поверхности. Настала пора спуститься. Нет не с небес на грешную землю, а несколько ниже уровня земли. В овраг.

Отъехав, предположительно, за точку выхода портала, выбрал такое место, где лес вплотную подходил к краю оврага и, даже несколько нависал над ним. Спешился и осмотрелся. Окружающий меня сосновый бор, в корне отличался от своего европейского собрата. Который мог бы просматриваться, а при необходимости и простреливаться насквозь. Здесь же, все пространство между деревьями было сплошь покрыто кустарником, зарослями травы и, в особенности папорот-

ником. Который, в некоторых местах, был высотой по самые я..., ну приблизительно по пояс. Поэтому укрыть и замаскировать невысокое транспортное средство, особого труда не составило.

Достал из заднего кармана разгрузки веревку, на подобие той, что используют альпинисты, в своем снаряжении. Парочку карабинов. И стал ладить устройство для спуска, захлестнув веревку вокруг дерева, настолько накренившегося в сторону обрыва, что того и гляди рухнет. Но вот только впечатление это было обманчивым. Я ведь не поленился и залез таки на него, прошелся туда-сюда и, даже попрыгал, в особо подозрительных местах. И ничего. Только пружинит. Так что, для моей цели подходит как нельзя лучше.

Первым делом опустил вниз трофеи, обмотав их веревкой, наподобие вязанки с хворостом. Для чего использовал быстроразвязывающийся узел, именуемый у специалистов "ведерным". Поскольку очень удобен, именно для этой процедуры, то есть спуска ведра, например с водой. Относится к разряду "дистанционно развязываемых" узлов. Опустил груз, и рывком, за длинный ходовой конец, развязал узел.

Вторым, на очереди, был несчастный пленный. Его спустил тем же Макаром. Правда, для подстраховки, использовал уже немного более сложный узел, именуемый "пиратским". Для собственного спуска не подходит категорически. Очень большой риск зацепить ненароком второй конец, и попытаться научиться летать. Но вот для спуска, например,

тещи, или же, как в моем случае, пленного немца, в общем, кого не жалко, подходит идеально. В крайнем случае, если конечно не научится летать, или убьется, или покалечится.

Сам же, предварительно замаскировав драндулет, спустился с комфортом, надежно обвязав веревку вокруг ствола, и зацепив страховочный карабин за кольцо. Специально для этого интегрированное в жесткую конструкцию разгрузки. В отличии от спуска предыдущих объектов, когда веревка была мне необходима для многоразового использования, при спуске себя любимого, мне наоборот, было нужно, чтобы она оставалась закрепленной наверху.

– А иначе как бы я обратно?

В этом месте овраг не то, чтобы отвесный, но даже имеет отрицательный угол наклона. Образуя, как бы, своеобразный козырек гигантского головного убора, который налезает на лоб великана. И влезть обратно самостоятельно, без подручных средств, даже теоретически не представляется возможным.

Но вот, наконец-то, я и внизу. Первоначально перетаскал трофеи в оружейную комнату. Затем, схватив за воротник незадачливого фрица, волоком потащил его к порталу, не утруждая себя сантиментами по поводу неровностей, которые он пересчитывал своими боками.

– Ничего, – подумал, – я разговорчивей будет.

Для чего мне понадобился этот артиллерист, я и сам себе, наверное, не смог бы объяснить. Первоначальная идея

поспрашивать его на предмет известных ему особенностей обстановки, не выдерживала никакой критики. Поскольку я не только не знал о чем его спрашивать. Но даже был не способен правильно сформулировать вопрос. А ведь, как известно, правильно поставленный вопрос, есть половина ответа. Но вот с этим то, у меня большие проблемы. Говорить то, на немецком, я в корне не обучен. Причем именно говорить. Нет, полное отрицание общепринятого выражения "Sprechen Sie Deutsch", для меня не подходит категорически. Поскольку детство мое протекало в местностях населенных преимущественно этническими немцами, то ПОНИМАТЬ о чем они, между собой, гутарят, худо-бедно научился. Жизнь, как говорится, заставила. Но вот говорить! С этим у меня большая проблема. Как у той собаки, которая все понимает, но вот только говорить не может. Поэтому, единственно, на что я был способен, это сказать – "erzählen" – то есть "рассказывай", а дальше только слушать.

– Но, как говорится, и то хлеб, – рассуждал я сам с собой, тащя упирающегося немца за шкварник через портал.

Но только стоило мне затащить его в туманное марево, разделяющее временные эпохи, как вдруг он забился особенно яростно. Да так, что едва не вырвался у меня из рук. Не желая потерять языка, неизвестной степени ценности, я наподдал ему ботинком по почкам. Ну, или куда там ему попал, сослепу то и не разберешь. Но это, видимо, оказало определенное воздействие, так как немец вдруг обмяк и,

как-то даже потяжелел.

Причина его такого неадекватного поведения вскоре выяснилась. Стоило мне, вместе с ним, оказаться в бункере. При первом приближении, даже для моего неискушенного взгляда, клиент был скорее мертв, чем жив. В чем я окончательно и убедился, пытаюсь, безуспешно, нащупать у него на шее жилку.

– Вот те раз, коза пропала – было две, четыре стало! – только и смог я прокомментировать ситуацию. – Наверяд ли он окочурился от моего пинка, скорее это такая реакция на межвременной переход. Видимо, организм не перенес такого издевательства.

Судя по синюшному цвету лица, смерть наступила от асфиксии. Видимо задохнулся, бедняга!

– Так что же, это получается, что портал пропускает выборочно, производя отбор непосредственно в момент перехода? Выходит, если бы я, в самый первый раз, этот самый отбор не прошел, то тут бы мне и карачун настал?

С другой стороны, ничего определенного о свойствах портала я, изначально, не знал. Принципа его работы не представлял. Порядка отбора, достойных перехода лиц, не ведал.

– Да что там говорить, поперся наобум, дурачок! Понадевшись на извечный, русский авось. Авось пронесет.

Вот меня и пронесло. А немцу то, не свезло. Неведомый страж портала, если же таковой имеется в наличии, не счел его достойным.

– Склеил лапы, бедолага. Хотя, если разобраться, туда ему и дорога!

По большому счету, мне была абсолютна безразлична судьба этого неудачника. По крайней мере, его никто в гости не приглашал. А незваный гость, как известно, хуже тартина. Хотя, если сравнить и сопоставить, то фашистские изуверы, с татарами и рядом не стояли. У тех, во всяком случае, подход к военным действиям был сугубо рациональный. То есть, война должна иметь определенную цель. По их мнению, целью войны должна являться добыча. И чем ее больше, тем лучше. Поголовное уничтожение населения не относилось к разряду рационального, потому и признавалось не целесообразным. Они могли пойти на это только в самом крайнем случае. Например, для устрашения населения и, соответственно уменьшения сопротивления. На этом фоне, планы германских фашистов, по глобальной ассимиляции народов, населяющих оккупированные территории, выглядят гораздо более впечатляющими. Поскольку прививать им европейские ценности и немецкое мировосприятие, изначально никто не собирался. Слишком уж это, по мнению нацистских теоретиков затратное и бесперспективное занятие. Гораздо проще пойти по пути наименьшего сопротивления. Исповедуя принцип: "Нет человека – нет проблем". Причем, распространяя его на целые нации и народности. Поэтому, пускай и не обижаются, если и с ними будут также обращаться. Все в строгом соответствии с заповедями древ-

него китайского философа Конфуция, который, на вопрос своего ученика – "Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?", ответил: "Это слово – взаимность. Не делай другим того, чего не желает себе!"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.